

INSPIRIA

Бестселлер Amazon Charts

ЖЕНА

УБИЙЦЫ

Узнала одного –
знаешь их всех...

ВИКТОР МЕТОС

INSPIRIA

Ток. Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах

Виктор Метос
Жена убийцы

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Метос В.

Жена убийцы / В. Метос — «Эксмо», 2020 — (Ток. Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах)

ISBN 978-5-04-117956-4

Бестселлер Amazon Charts. Узнала одного — знаешь их всех... Этот захватывающий триллер — идеальная смесь «Мертвого озера» Рейчел Кейн и «Внутри убийцы» Майка Омера. Федеральный прокурор вынуждена бороться с жуткими подробностями своего прошлого — и одновременно с худшими страхами перед будущим. У всех нас есть бывший, о котором мы сожалеем. Но бывший муж прокурора Джессики Ярдли — вот это настоящий кошмар. Он — печально известный серийный убийца Эдди Кэл, уже четырнадцать лет сидящий в тюрьме в ожидании казни. Казалось, Джессике удалось справиться с кошмарами прошлого — обрести веру в себя, стать успешным юристом, начать новую счастливую жизнь вместе с дочкой... Казалось ровно до тех пор, пока у Эдди не появился подражатель, копирующий его почерк. Убийца жестоко расправляется с семейными парами, оставляя в живых их детей. ФБР просит Джессику принять участие в охоте на маньяка. И это значит, что она должна снова встретиться и наладить контакт с бывшим мужем — человеком, буквально разорвавшим ее жизнь в клочья. Эдди Кэл говорит, что знает, кто убийца. Но в обмен на свою помощь ставит два условия, на которые Джессика не может пойти...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-117956-4

© Метос В., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	28
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	40
Глава 12	43
Глава 13	46
Глава 14	48
Глава 15	51
Глава 16	54
Глава 17	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Виктор Метос

Жена убийцы

Victor Methos

A KILLER'S WIFE

Text copyright © 2020 by Victor Methos. All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

Серия «Ток. Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах»

© Саксин С. М., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2021

* * *

То, что представляется нам как осознанная мысль, на самом деле не более чем искра, мелькнувшая в пламени подсознания. В недрах нашего сознания кроется лес ужасов, самых черных и мрачных. Изредка

эти призрачные побуждения вырываются на свободу, и населяющие их чудовища выбираются из бездонной пропасти.

«Психопатология подсознательных побуждений», доктор Николая Лагран

Глава 1

Джордан Руссо распахнула дверь и на ходу выпрыгнула из машины.

Первым делом она почувствовала обжигающую терку асфальта, содравшую кожу с ее неприкрытых коленей и бедер. По всему телу разлилась боль, словно его подожгли.

Джордан закричала бы, если б от удара у нее не перехватило дыхание. Ощувив во рту привкус крови, она ощупала языком неровные края сломанных зубов.

Попыталась было сесть, но, почувствовав мучительно острую боль, похожую на ту, как если б ее искромсали ножами, испугалась, что сломала ребра. И все-таки она заставила себя сесть, морщась от боли.

Огляделась по сторонам. В глубине пустыни Невада на протяжении многих миль вокруг не было ничего, кроме ясного голубого неба, красных скал, песчаных барханов и кактусов.

Впереди раздался пронзительный визг. Машина резко затормозила.

– Нет... – всхлипнув, прошептала Джордан.

Она попыталась встать, и тотчас же у нее подогнулась правая нога. Преодолевая боль, Джордан снова поднялась на ноги и заковыляла к большой россыпи камней у подножия ближайшего бархана.

Оглянувшись, увидела, как водитель вышел из машины.

– Нет, нет...

Собрав все силы, Джордан побежала, дважды споткнувшись. Она плакала, думая о своей матери. Если она сейчас умрет, та останется совсем одна в их большом доме и никогда не узнает, что стало с ее дочерью.

Джордан добежала до первого валуна, но тут у нее снова подогнулась нога, и она едва не упала, хватаясь за него, чтобы удержать равновесие. Ковыляя, кое-как зашла за камень и увидела щель в скалах – небольшую, но может быть, как-нибудь удастся протиснуться...

Упав на четвереньки, Джордан втиснулась в узкую щель, обдирая об острые камни кожу и сжимая поврежденные ребра. Боль была невыносимая; ей пришлось зажать рот, чтобы сдержать крик.

Пространство между камнями оказалось размером со шкаф. Привалившись к валуну, Джордан подняла взгляд. В узкий промежуток между камнями проникал луч солнечного света. Дрожащей рукой она нащупала в кармане сотовый телефон. Экран треснул, но аппарат работал.

– Пожалуйста, – прошептала Джордан, – пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Ни одной полоски сигнала. Она набрала «911», однако вызов не прошел. Тишина в трубке отняла у нее последние силы.

Снаружи захрустели шаги по песку.

Судорожно ахнув, Джордан зажала рот ладонью. Глаза у нее были мокрыми от слез; моча, протекая сквозь шорты, струилась по ободраным, окровавленным ногам.

Просунувшаяся в щель рука схватила ее за щиколотку.

– Нет! Помогите! Пожалуйста, помогите, кто-нибудь!

Сильная рука резко дернула, едва не вырвав ей ногу из тазобедренного сустава. Джордан вцепилась руками в землю, но под ее пальцами был лишь сыпучий песок. Один мощный рывок – и ее вытащили на жаркое солнце. Почувствовав, как на нее упала тень, Джордан пронзительно вскрикнула.

Глава 2

Тишину зала суда разорвал пронзительный крик.

Джессика Ярдли дернулась назад к свидетельской трибуне, а обвиняемый Дональд Бэрроу перескочил через стол и устремился к ней. В его движениях Ярдли увидела бешеную ярость, чистую ненависть. На какое-то мгновение все, в том числе и адвокат обвиняемого, застыли. Никто не пытался остановить Бэрроу.

Но тут же порядок в зале суда был восстановлен. Один из судебных приставов схватил Бэрроу за пояс. Второй запрыгнул на него сзади, вонзая колено ему в спину и резко заламывая руки назад, и ручка, которую Бэрроу схватил в качестве оружия, выпала у того из руки.

Ярдли шумно выдохнула, и только тут до нее дошло, что от неожиданности она все это время не дышала.

Судья постучал молотком, призывая к порядку. Ярдли повернулась к молодой девушке, стоявшей на трибуне, старшекласснице, которую Бэрроу в течение двух дней удерживал взаперти у себя в погребке, прежде чем ей удалось выбраться на свободу и вызвать полицию. Девушка дрожала, комкая в руке использованные одноразовые салфетки. Взяв ее за руку, Ярдли сказала:

– Он больше вас не обидит.

– Адвокаты, подойдите ко мне! – рявкнул судья.

Ярдли и Мартин Сэлинджер подошли к нему.

– Полагаю, мистер Сэлинджер, у вас имеется ходатайство, – отключив микрофон, сказал судья.

– Ваша честь, очевидно, мы будем требовать нового судебного разбирательства. Увидев такое, присяжные не смогут оставаться беспристрастными.

Ярдли подняла брови.

– Я не согласна, – сказала она. – В процессе «Гори против Соединенных Штатов» Верховный суд дал ясно понять, что обвиняемых следует защищать от предвзятого отношения обвинения или присяжных, но в данном случае речь идет о поведении самого обвиняемого. Иначе любой подсудимый, увидев, что дела его плохи, может наброситься на кого-нибудь с ручкой и требовать нового судебного разбирательства.

– Мисс Ярдли права. – Судья кивнул. – Возвращаемся к протоколу.

– Ваша честь! – взмолился Сэлинджер. – С таким же успехом вы можете прямо сейчас вздернуть моего подзащитного, потому что этот состав присяжных ни за что не будет беспристрастным!

– В таком случае вы, может быть, посоветуете ему впредь не бросаться на людей у всех на глазах, – заметила Ярдли.

– Я вынес свой вердикт, мистер Сэлинджер, и вы вправе его обжаловать. А сейчас, пожалуйста, вернитесь на свое место.

Как только в заседании объявили перерыв, адвокат перегнулся через проход.

– Предложение о сделке с судом всё еще в силе? – спросил он. – Тридцать лет?

– Совершенно верно.

– В таком случае дайте мне полчаса. Спасибо за то, что не отказываетесь от своих слов. Многие на вашем месте пошли бы на попятную.

– Я не мстительна, Мартин. Хотите верьте, хотите нет, но и я здесь для того, чтобы защищать интересы своего клиента.

Как раз в этот момент у Ярдли завибрировал телефон. Она подняла руку, показывая Сэлинджеру, что будет ждать от него вестей.

Когда Джессика увидела номер звонящего, сердце у нее провалилось глубже, чем когда на нее набросился Бэрроу: это была канцелярия школы, в которой училась ее дочь.

– Что Тэра натворила на этот раз? – сказала Ярдли, ответив на звонок.

– Думаю, вам лучше поговорить с мистером Джексонном. – Денизе, школьному секретарю, удавалось добиваться того, что в ее голосе одновременно звучали сочувствие и твердость. – В настоящий момент Тэра у него в кабинете. Вы можете приехать?

– Хорошо. Если возможно, через полчаса.

Взяв свой кожаный портфель, Ярдли встала, собираясь уйти, но тут увидела в глубине зала суда двух мужчин в темных костюмах. У одного спереди на шлевке брюк болталось заламинированное удостоверение агента Федерального бюро расследований, чтобы проще было входить в здание суда с огнестрельным оружием. Волосы у него были до плеч; Ярдли знала, что в свое время начальство в Лас-Вегасе не раз отчитывало его за них, однако теперь он носил их как знак почета. Кейсон Болдуин частенько повторял ей: «К черту Джона Эдгара Гувера¹ и его прилизанных пай-мальчиков!»

Рядом с Болдуином стоял невысокий коренастый латиноамериканец с выцветшим пятном старой, частично выведенной татуировки, торчащим из-под правого рукава.

– Тридцать лет за то, что он заманил вышедшую из церкви девочку в свою машину и потом сделал с ней то, что он сделал? – сказал Болдуин подошедшей Ярдли. – По-моему, этот приговор можно считать пожизненным сроком.

Джессика улыбнулась. Болдуин по-прежнему выглядел так же, как и в тот короткий период, когда у них был мимолетный роман... Сколько же времени прошло с тех пор!

– Перед правосудием все равны, или это уже не правосудие. Такой срок предусмотрен Уголовным кодексом, поэтому я его и попросила.

– Сделка со следствием прошла, поскольку у этого типа в прошлом еще не было проблем с законом, но он все равно тот еще подонок.

– У него тоже есть права, как и у всех остальных. И я не собираюсь их у него отнимать.

– У тебя всегда было мягкое сердце, – усмехнулся Болдуин. Взглянув на своего напарника, сказал: – Это Оскар Ортис. Оскар, это Джессика.

Как раз в этот момент Ортису пришло текстовое сообщение, и он, глядя в свой телефон, сказал:

– Привет!

Ярдли отступила в сторону, пропуская родственников Дональда Бэрроу, направляющихся к выходу из зала. Все они подчеркнуто отворачивались от нее, кроме его матери, которая посмотрела ей в лицо красными от слез глазами и сказала:

– Надеюсь, у вас есть сын и с ним произойдет то же самое. И тогда вы поймете, что это такое – сознавать, что твой мальчик умрет в клетке!

Ярдли молча дождалась, когда они покинут зал суда.

– Лучше скажи своему сыну, чтобы перестал гневить Господа, – пробормотал Ортис, когда они вышли, – и у него все будет в порядке.

Бросив на него взгляд, Болдуин повернулся к Джессике и спросил:

– Мы можем поговорить?

– Я не могу. Мне только что позвонили из школы, где учится Тэра. Я должна срочно ехать туда.

– Это всего на одну секунду.

– У меня машина на подземной стоянке. Мы можем поговорить по дороге туда.

– Нет. Я бы хотел поговорить с глазу на глаз. Если можно. Обещаю, много времени это не займет.

¹ Джон Эдгар Гувер (1895–1972) – директор ФБР с 1924 по 1972 год. – Здесь и далее прим. пер.

У Ортиса также было серьезное лицо. Ярдли перевела взгляд с одного фэбээровца на другого. Что-нибудь пустяковое можно было бы решить по телефону. Болдуин приехал сюда лично – он собирается просить ее о чем-то таком, что, как он прекрасно понимает, ей не понравится.

– Ну хорошо. Но у меня есть всего несколько минут.

* * *

Федеральный суд находился в приземистом четырехэтажном здании из стекла и бетона на Второй улице в Лас-Вегасе, которое кое-кто называл «Кубом боргов»², чего Ярдли не понимала.

Комнаты для переговоров были просторные, с массивными дубовыми столами и окнами, выходящими на обсаженные пальмами улицы. Сев, Ярдли поставила портфель на пол. Ортис закрыл дверь.

– Значит, ты пригвоздила «Похитителя с Гаррет-стрит», – сказал Болдуин. – Громкое получилось дело. Местным жителям повезло, что этот Бэрроу никого не убил.

– Все лавры принадлежат девочке, которая смогла от него сбежать. Не тяни, Кейсон, выкладывай свою просьбу.

– Какую просьбу?

– Ты хочешь о чем-то меня попросить и боишься, что я тебе откажу. Вот почему ты пришел сюда лично, в разгар дня, когда, как тебе известно, я больше всего стремлюсь вернуться домой и потому могу согласиться, просто чтобы от меня побыстрее отвязались. Так что не трать время напрасно. Выкладывай, что там у тебя.

Смущенно кашлянув, Болдуин посмотрел на Ортиса, которого, похоже, позабавило то, как легко она раскусила его напарника, и, включив планшет, протянул его Ярдли.

Фотография пары в спальне, сделанная от изножья кровати. Женщина с длинными черными волосами в черной майке и зеленых брюках, рядом с ней мужчина в черных спортивных трусах. Оба лежат ничком. Белое покрывало залито темной кровью. На стене, у них над головой, брызги артериальной крови, похожие на проделки гиперактивного ребенка с банкой краски. Ярдли поняла, что обоим перерезали горло.

От этого зрелища у нее по спине пробежала ледяная дрожь, и она тихо ахнула – похоже, агенты ФБР это услышали. Ярдли уже приходилось видеть эту сцену. И не один раз. Со временем воспоминания стали поразительно бледными и смутными, но сейчас они разом нахлынули вновь. Самым отчетливым был образ ее бывшего мужа Эдди Кэла, стоящего перед ней на кухне их маленькой двухкомнатной квартиры. На улице завывают полицейские сирены, сапоги спецназовцев, спешащих на второй этаж, грохочут по бетонным ступеням, она на последнем месяце беременности, а Эдди нежно кладет ей руки на плечи и говорит: «Извини, я пытался остановиться».

Это были последние слова, которые он сказал ей. И вот сейчас, по прошествии шестнадцати лет, эти слова всплыли в сознании Ярдли так отчетливо, словно она только что их услышала.

– София и Адриан Дин, – объяснил Болдуин. – Их обнаружили примерно месяц назад, в собственном доме в Северном Лас-Вегасе. – Он помолчал. – У них двое детей, в возрасте трех и семи лет. Они и обнаружили родителей утром. Ночью дети спали и ничего не слышали, из чего следует...

² Борги – вымышленная высокотехнологичная псевдораса киборгов из американской научно-фантастической франшизы «Звездный путь», включающей в себя несколько телесериалов и полнометражных фильмов. Их основной межзвездный транспорт – «Куб боргов», названный так из-за его формы.

– Кейсон, зачем ты мне это показываешь? – перебила его Джессика.

Снова оглянувшись на своего напарника, Болдуин вывел на экран планшета следующую фотографию. Если б не другая одежда, она ничем не отличалась бы от предыдущей. Брюнетка с длинными волосами лежит лицом вниз в кровати, постельное белье серое, а не белое; мужчина в спортивных трусах и футболке, когда-то бывшей белой.

– Райан и Обри Олсен. Их обнаружили два дня назад в своем доме в Сент-Джордже, штат Юта. Как видишь, следы крови...

– Гораздо страшнее, – ровным тоном произнесла Ярдли, возвращая ему планшет.

– Точно.

– Я все равно не понимаю, зачем ты мне все это показываешь.

Болдуин и Ортис снова переглянулись, причем у последнего был такой вид, словно ему крайне неловко находиться здесь.

– Джесс, мы считаем, что этот человек подражает Эдди. И нам нужна твоя помощь.

Глава 3

Ярдли снова посмотрела фотографию Олсенов. Оба были перепачканы кровью, от перерезанного горла и плеч до рук и спины. Волосы Обри стали от нее матовыми. Голова Райана была чуть повернута вбок, и был виден один остекленевший глаз, уставившийся в никуда. Похожий на глаза рыб на открытых летних рынках в Санта-Монике, где Ярдли выросла.

– Это не моя епархия. Вы задерживаете подозреваемого, собираете улики...

– Подозреваемых нет. Если честно... у нас вообще мало что есть.

– У нас ни хрена нет, – вставил Ортис.

Болдуин снова посмотрел на фотографию.

«Он не убирает свой планшет, не выключает его, – подумала Ярдли. – Он хочет, чтобы я это видела. Он в отчаянии».

– Оскар прав, – сказал Болдуин. – У нас нет ничего. В том смысле, что вообще ничего. Сексуального насилия не было, взлома не было; насколько можно судить, ничего не пропало. В первом случае полиция Лас-Вегаса считала, что это могло быть все что угодно. Деловой партнер, попавший на деньги, месть, любовник одного из них... но когда кто-то из Сент-Джорджа увидел эту сцену и позвонил им, они сообразили, что к чему. И связались с нами. Я сперва даже не узнал почерк убийцы, но вчера вечером на работе развесил на доске фотографии из дела Динов и вдруг вспомнил, где уже видел подобное. Достал фотографии с мест преступления Эдди. Они практически идентичные.

– Практически?

– Естественно, женщины на них не раздеты, поскольку сексуального насилия не было. И убийца, уходя, закрывает за собой дверь в спальню. Эдди никогда так не делал. – Болдуин поставил руки на стол и сплел пальцы. – Джессика, мне нужна твоя помощь. Никто не знает дело Эдди лучше тебя.

Ярдли вспомнила, что в самое ближайшее время должно состояться рассмотрение последней апелляции Эдди, после чего будет назначена дата казни. Она пожалела о том, что этого уже не произошло.

– Я так полагаю, ты шутишь, – сказала Джессика, глядя Болдуину в лицо. – Я последняя, кто хоть что-то знает об Эдди Кэле. И это не моя епархия, Кейсон. Вы ведете расследование. Когда у вас что-то будет, готовьте материалы в суд, и если это дело поручат мне, я ознакомлюсь с ним и мы будем работать. До тех пор пока у вас не будет задержанного или хотя бы подозреваемого, к которому следует присмотреться внимательнее, я вам ничем не смогу помочь. И вообще, с какой стати ты занимаешься этим делом? Раз изнасилования не было, это преступление не относится к федеральным. Пусть с ним разбирается местная полиция.

– Адриан Дин работал в информационном отделе Управления по борьбе с наркотиками. Сидел в кабинете, писал программы, обучал других людей и все такое, но формально он работал в федеральном правоохранительном ведомстве, поэтому я сам вызвался расследовать это дело. Я рассудил, что к нему также можно добавить Олсенов и... – Он помолчал. – И всех тех, кто будет дальше.

Ярдли старалась изо всех сил сохранять внешнее спокойствие, однако желудок у нее завязался узлом и она вспотела. В правоохранительных органах царят законы патриархата; всю свою службу в федеральной прокуратуре Джессика из кожи вон лезла, чтобы никто не увидел в ней ни намек на слабость. Ее бывшая начальница, вышедшая в пятьдесят лет на пенсию и открывшая ресторан, как-то посоветовала ей: «Покажешь свои чувства – и ты просто эмоциональная женщина, которой нельзя доверять. Будешь держать их в себе – и ты холодная сука, которой нельзя доверять. Выбирай, что тебе больше нравится».

– И это еще не всё, Джесс, – снова заговорил Болдуин. – Мне еще не приходилось читать о таком абсолютно чистом месте преступления. По моей просьбе криминалисты в течение двенадцати часов собирали там каждую пылинку. Ничего. Мы даже не можем сказать, каким лезвием пользовался убийца, поскольку он специально разорвал раны пошире, чтобы скрыть это.

– Эти два преступления разделяют три недели, – добавил Ортис. – То есть у нас примерно две с половиной недели до следующего, если только ему не захочется ускориться. Я хочу сказать, он, наверное, может остановиться, но мы так не думаем. Правильно? Я хочу сказать, вы ведь знаете, что это такое.

– Я это знаю?

Болдуин бросил строгий взгляд на своего напарника.

– Оскар имел в виду совсем другое. Он просто хотел сказать, что у тебя, с твоим образованием и опытом, могут возникнуть какие-нибудь полезные мысли.

– У вас есть толпы психологов-криминалистов, готовых вам помочь, – Ярдли невесело усмехнулась. – Я вам не нужна.

– Да, они готовы помочь. Чтобы засветиться в новостях. А не поймать его.

Взяв портфель, Джессика встала.

– Извините. Я не следователь. Я прокурор. Найдите того, кто вас интересуется, и дайте мне знать, когда потребуется ордер на арест. Больше я вам ничем не могу помочь.

Выйдя из комнаты, она дождалась, когда у нее за спиной щелкнет закрывшаяся дверь, и лишь тогда оперлась о стену, с трудом втягивая воздух, словно ей приходилось дышать сквозь толщу песка.

Эдди Кэл.

По профессии он был художником и скульптором. Из тех, кто всегда ходит в джинсах и футболке, заляпанных разными красками. Ярдли очень любила это в нем – полное безразличие к мнению окружающих. Она находила это неотразимым.

Лишь потом, когда всплыли совершенные им убийства, Джессика поняла, что у него это получалось бессознательно. Эдди в прямом смысле не мог поверить в то, что другие люди существуют отдельно от его восприятия. Что у них есть собственные мнения и чувства, не совпадающие с его чувствами и мнениями. «Они просто тупые свиньи», – сказал как-то Эдди о критиках-искусствооведах. Теперь Ярдли сознавала, что это определение относилось ко всей человеческой расе. Неужели и она казалась лишь тупой свиньей человеку, которого впустила в свое сердце?

Закрыв глаза, Джессика сделала два глубоких вдоха и выдоха, а когда открыла их снова, к ней вернулось внешнее спокойствие. Когда она выходила из здания суда, один из приставов вежливо попрощался с ней, а она сделала вид, что не услышала его, глядя прямо перед собой.

Глава 4

Средняя школа городка Уайт-Сэндс размещалась в новом здании из стекла и бетона. Администрация округа хотела, чтобы школа выглядела современной, и выделила деньги, чтобы оснастить ее всем необходимым, в том числе компьютерными классами с новейшими компьютерами и библиотекой, по сравнению с которой публичная библиотека стыдливо молчала в тряпочку. В просторном вестибюле на стенах висели плакаты, афиши спектаклей и концертов, работы учащихся художественных классов, объявление о вечере танцев...

Ярдли прекрасно помнила старшие классы школы. Отец бросил их с матерью, когда ей было тринадцать, и мать с горя запила. Потеряв работу, она какое-то время перебивалась случайными заработками, затем скатилась до пособия по безработице. Джессика начала работать в четырнадцать, торгуя овощами и фруктами с лотка на улице. Школа оставалась единственной отдушиной в суровых буднях, и она получала наслаждение от возможности читать Чосера и заниматься анатомией. Подруг у нее было мало, мальчишки ею не интересовались, но Ярдли довольствовалась тем, что имела: училась по ночам после смены в магазине и ухаживала за матерью, когда та возвращалась из бара, пропив пособие по безработице.

Мать умерла от пьянства, когда Джессике было восемнадцать. Она запомнила промозглый дождь на похоронах; ей пришлось потратить все свои сбережения, чтобы достойно проводить мать в последний путь, и никто не пришел ей на помощь. Какая-то тетка прислала открытку с соболезнованиями, одна соседка спросила у Ярдли, не нужно ли ей что-нибудь, но в остальном ее матери словно никогда не было. Мысль о том, что можно прожить долгую жизнь, а потом о тебе никто не вспомнит, перепугала Ярдли до глубины души...

Войдя в школу, она спросила, где можно найти заместителя директора, и секретарша провела ее в зал. Там сидела Тэра, невозмутимо взирая на происходящее. Ничто не ускользало от ее внимания. Эти ярко-сапфировые глаза временами ввергали Ярдли в шок. Такие синие глаза она видела только у одного человека – отца Тэры.

Коди Джексон, щуплый мужчина в очках в стальной оправе и галстук-бабочке, встал из-за стола и пожал ей руку. Он предложил Джессике и Тэре пройти к нему в кабинет. Ярдли заметила, как ее дочь пошатнулась, поднявшись на ноги. Действие алкоголя проявлялось в нарушенной координации движений; это означало, что Тэра не сможет удержать равновесие в позе Ромберга³ – к данному тесту обыкновенно прибегают полицейские, проверяя, употреблял ли человек спиртное.

– Я даже не знаю, что сказать, – сказала Ярдли, когда они сели.

Джексон кивнул, не отрывая взгляда от Тэры.

– Учительница химии почувствовала запах спиртного. Когда она сделала Тэре замечание, та возмутилась. Мы даже думали, что она начнет буянить, но затем ее вырвало в коридоре, и она затихла. Я отвел ее в медицинский кабинет. Медсестра определила, что «Скорая помощь» Тэре не нужна, хотя я был близок к тому, чтобы ее вызвать.

Джессика посмотрела на свою дочь, старательно отводившую взгляд.

– Тэра, сейчас середина дня.

Та молча пожала плечами.

– Где ты раздобыла выпивку?

– У друга.

– У какого друга?

Тэра снова лишь пожала плечами.

Взяв дочь за подбородок, Ярдли заставила ее посмотреть ей в глаза.

³ Поза Ромберга – стоя со сдвинутыми ступнями, вытянутыми вперед руками и закрытыми глазами.

– У какого друга?

Тэра стяхнула ее руку и отвернулась.

– Впредь такого больше никогда не произойдет, обещаю вам, – повернувшись к Джексону, сказала Ярдли. – У Тэры просто не будет для этого возможности, поскольку до конца семестра она будет сидеть дома, и я отберу у нее телефон.

– Что? – воскликнула Тэра. – Ты не посмеешь!

– Посмотрим, – спокойно промолвила Ярдли.

Скрестив руки на груди, Тэра покачала головой.

– Какая же ты сука!

Ярдли почувствовала, как у нее в груди вскипает ярость. В лицо ударил жар, но, если б не стиснутые челюсти, со стороны нельзя было бы определить, что она хоть как-то на это отреагировала.

– Мистер Джексон, каким будет ее наказание?

– Она замахнулась на учительницу, едва ее не ударила... Полагаю, отстранение от занятий на три недели – это то, что она заслужила. Плюс один раз после уроков она будет вместе с уборщицами мыть полы в коридорах, чтобы компенсировать им то время, которое они потратили, убирая за ней. Также я сделаю запись в ее личном деле, а когда она снова приступит к занятиям, назначу ей испытательный срок. Вообще-то я имею полное право отчислить вашу дочь из школы, но, учитывая ее блестящие успехи в учебе, готов дать ей шанс исправиться.

Джессика знала, что Тэра не корпит над уроками: ей достаточно было прослушать несколько лекций, чтобы сдать экзамены на «отлично». Способности девочки поражали и в то же время пугали. В возрасте шести лет Тэра за ужином объяснила матери принцип неопределенности Гейзенберга. В восемь лет Ярдли застала дочь читающей на балконе Ницше.

Учителя неоднократно предлагали ей перевести Тэру в следующий класс или отдать в школу для особо одаренных, но она неизменно отказывалась.

Иногда при мысли о том, какая умная у нее дочь, у Джессики по спине пробегала холодная дрожь. Ей самой учеба хоть и доставляла удовольствие, но требовала колоссальных усилий. Тэра унаследовала ум своего отца: у Эдди Кэла коэффициент интеллекта был равен ста семидесяти пяти.

– Тэра, – произнес Джексон, – будь добра, подожди в коридоре.

Когда девочка вышла, он сказал:

– Миссис Ярдли, ей здесь не место. На днях мисс Маккомбс на уроке поймала ее на том, что она что-то рисовала. Сначала учительница решила, что это какие-то каракули, но, как оказалось, Тэра решала сложную математическую задачу в векторах и скалярах. Мне пришлось искать в Интернете, что это такое, и я до сих пор не до конца разобрался в задаче. Тэра уже прошла весь курс информатики, который мы преподаем. Мы просто не можем загрузить ее настоящему. Тэре скучно в школе, вот она и отрывается. Ей нужно в школу для особо одаренных или на курсы при университете. Возможно, поступать в университет напрямую.

– Вы знаете нашу историю. – Ярдли покачала головой. – Мистер Джексон, мне потребовалось столько времени – столько времени, – чтобы создать хотя бы какое-то подобие нормальной жизни... Я не хочу, чтобы Тэра чувствовала себя изгоем; вот почему я не собираюсь никуда переводить ее из обыкновенной школы. К тому же впервые в жизни у нее появились друзья. Она сама не хочет никуда уходить.

Вздыхнув, Джексон сложил руки на столе.

– Перед человеком с интеллектом такого калибра открыты два пути. Получая любовь и поддержку и имея возможность применить в полном объеме свой ум, он может стать Альбертом Эйнштейном или Стивом Джобсом. Если же ему скучно и его ум, предоставленный самому себе, сам ищет развлечения, он станет...

– Если вы хотели сказать – Эдди Кэлом...

– Нет, – Джексон покачал головой. – Я хотел сказать – Билли Маккерусом. Время от времени я встречаю этого господина клянчащим мелочь у ресторана неподалеку от моего дома. Он был профессором философии, работал над теориями, названия которых я даже не смогу произнести, – а теперь завсегда у полицейских участков и наркологических клиник. Билли Маккерус пошел по второму пути. Тэру нужно постоянно загружать соответствующей интеллектуальной работой, а я не имею для этого необходимых возможностей.

Ярдли кивнула.

– Спасибо за то, мистер Джексон, что вызвали меня. Я позабочусь о том, чтобы больше такое не повторилось. – Встав, она вышла из кабинета и обратилась к дочери: – Пошли.

Когда они с Тэрой сели в машину, Джессика протянула руку:

– Телефон.

– Мам, извини, что я сказала такое. Просто я...

– Телефон!

Помявшись, Тэра достала из кармана телефон и протянула его матери. Та убрала его в сумочку. По дороге до дома обе молчали. Тэра держала руки сложенными на груди.

Поставив машину на стоянку, Джессика наконец спросила:

– Это был Кевин?

– Не имеет значения.

– Для меня имеет. Кто это был?

– Это я его попросила. Он тут ни при чем.

– Где он достал выпивку?

Дочь ничего не сказала.

– Тэра, даю тебе слово: я сегодня же позвоню своим друзьям из ФБР и попрошу их заняться Кевином. Они предъявят ему обвинение в том, что он снабжает спиртным несовершеннолетних.

Тэра молча смотрела на мать.

Достав телефон, Ярдли начала набирать номер.

– Мама, подожди! Не надо! Я не хочу, чтобы у него были неприятности.

– У него уже большие неприятности. Кто?

– Его... его отец.

– Его отец?

– Да, – Тэра кивнула. – Ему все до фени.

Ярдли покачала головой.

– Я должна вернуться на работу, – выдохнув, сказала она. – Ты остаешься дома. Никаких друзей; без моего разрешения ты никуда не выходишь. Если выйдешь из дома, не спросив у меня, я увеличу срок наказания до двух семестров, а твой телефон просто вышвырну в мусорный контейнер. Я ясно выразилась?

Молча кивнув, дочь открыла дверь.

– И еще, Тэра. Если ты еще хоть один раз назовешь меня сукой, я заберу тебя из школы и буду лично обучать на дому. Своих друзей ты не увидишь до тех пор, пока тебе не исполнится восемнадцать и ты не уйдешь из дома. Ты меня поняла?

Тэра молча кивнула.

– Мне нужно услышать твой ответ. Ты меня поняла?

– Да, поняла.

Выйдя из машины, она хлопнула дверью. Джессика потеряла виски, борясь с головной болью. Ей постоянно приходилось напоминать себе, что хотя Тэра и имела некоторые общие черты с Эдди Кэлом, она не была похожа на своего отца. По крайней мере в главном – в том, что делало ее дочерью Ярдли.

Когда Тэра скрылась в доме, Джессика шумно выдохнула и выехала на улицу.

Глава 5

Ярдли пыталась сосредоточиться на тех делах, которыми занималась в настоящее время, однако перед глазами у нее постоянно возникала лежащая в кровати пара; промокшая насквозь от крови одежда, облепившая бледную плоть... Она гадала, пришлось ли Олсенам наблюдать за смертью друг друга, или же они быстро потеряли сознание и оказались избавлены от этого кошмара.

Когда она собралась возвращаться домой, солнце уже было у самого горизонта.

Уайт-Сэндс, штат Невада, находится в сорока минутах пути от здания федерального суда в центре Лас-Вегаса, где работала Ярдли. Она сознательно выбрала себе жилье подальше, чтобы разделить дом и работу.

Одноэтажный дом стоял на холме с видом на долину. Его стены были из толстого стекла, чтобы пропускать внутрь как можно больше солнечного света. Вокруг городка простиралась пустыня, а вдалеке в ясные ночи можно было видеть разноцветные огни Лас-Вегас-Стрип⁴.

Войдя в дом, Ярдли сразу же услышала доносящуюся из комнаты дочери громкую музыку. Она подергала дверь, но та оказалась заперта.

Джессика вздохнула. Она собралась было постучать в дверь, но затем уронила руку. Какой в этом смысл? Тэра не только умнее, но и упрямее ее. Кажется, она способна таить обиду целую вечность. У Ярдли мелькнула мысль: воспитывать сыновей так же трудно, как и дочерей?

Уэсли поставил на столе на кухне две тарелки с крабами и картофельным пюре и бутылку вина. Он был в футболке; в лучах заходящего солнца блеснули его золотые часы.

– День выдался трудным? – спросил он.

Поставив портфель на пол, Джессика взобралась на высокий табурет. С тех пор как Уэсли несколько месяцев назад перебрался к ней, она избаловалась, каждый вечер ужиная блюдами домашнего приготовления.

– Да, и, похоже, дальше будет еще хуже. – Ярдли вздохнула. – Мне не нравится парень, с которым встречается Тэра. Я ему не доверяю.

Пожав плечами, Уэсли полил пюре соусом.

– А твоя мать доверяла твоим ухажерам, когда тебе было столько же лет?

– Мою мать невозможно было вытащить из кабака, так что она даже не замечала моих ухажеров. – Обмакнув палец в соус, Джессика облизала его. – Тэра совершенно не знает жизни. Она не знает, что видят мужчины, глядя на нее. Не понимает, каковы люди на самом деле.

Взяв ее руку, Уэсли поцеловал ее.

– Ты замечательная мать. А она, несмотря на свои закидоны, замечательный ребенок. Так что не бери в голову. К тому же мы сами выбираем, кем стать, разве не так? Тэра сделает правильный выбор. Просто дай ей время. А теперь давай ужинать, пока крабы не остыли.

* * *

Джессика и Уэсли сидели за столом на балконе, выходящем на пустыню. Солнце зашло, его место заняли звезды – искрящееся покрывало в бескрайнем черном небе над головой.

Они ели крабов, запивая их великолепным белым вином, и Уэсли рассказывал о том, как прошел день. Профессор юриспруденции в Университете штата Невада, после лекций он

⁴ Лас-Вегас-Стрип – семикилометровый участок бульвара Лас-Вегас, на котором находится большинство крупнейших гостиниц и казино агломерации Лас-Вегас, при этом административно Стрип лежит за пределами города и относится к пригородам.

проводил еще пару часов в опекуновом совете при суде, консультируя начинающих адвокатов и стажеров.

Опекунский совет занимался в основном делами о разводе, защищая интересы детей в ходе отвратительных споров о том, с кем из родителей останется ребенок, однако Уэсли подключался только в тех случаях, когда ни один из родителей не был достоин воспитывать детей. Если оба родителя лишались родительских прав, он становился временным опекуном и помогал суду определить, как будет лучше для ребенка: жить с кем-либо из родственников или отправиться к приемным родителям. Именно за стремление Уэсли помогать беззащитным и обездоленным Ярдли и полюбила его.

Они познакомились на юридическом факультете, когда она училась на втором курсе, а Уэсли преподавал курс правоведения. Джессика сразу же обратила на него внимание. Он был очень привлекательный – так считали все девушки ее курса, – однако на нее в первую очередь произвел впечатление его ум. Уэсли обладал способностью раскладывать сложные задачи на простые составляющие и объяснять всё так, что понимали все. Для Ярдли простота была высшей формой изящества. С тех пор она слушала все курсы, которые читал профессор Уэсли Пол. Независимо от того, были ли они ей нужны.

Далее все развивалось по стандартной схеме: Джессика устроилась к Уэсли ассистентом и постепенно узнала его лучше. После того как она окончила университет, они продолжали поддерживать отношения, время от времени обедая и ужиная вместе, а также снимая нагрузку рюмкой-другой спиртного в особо трудные дни. Даже как-то раз провели вместе выходные в Йеллоустонском парке, когда тогдашнему ухажеру Ярдли – по иронии судьбы, это был Кейсон Болдуин – не удалось освободиться. Уэсли настоял на том, чтобы спать отдельно на диване.

Но после нескольких лет дружбы он наконец сказал ей, что, несмотря на то что она взяла себе девичью фамилию, коротко подстриглась и никогда не говорила о своем прошлом, он знает, кто она такая, знает о ее замужестве с Эдди Кэлом и все это время ждал, когда она наконец снова сможет думать о серьезных отношениях. Ярдли была поражена таким терпением.

После Кэла она твердо решила больше никогда не заводить серьезных отношений. Никогда не отдавать свое сердце мужчине, который сможет, смеясь, его разбить. Однако Уэсли с самого начала был по отношению к ней добрым и мягким. Как и ее бывший муж, он был работником умственного труда, но занимался сугубо практическими вопросами – юриспруденцией и политологией, а не архитектурой и живописью, как Кэл. В то время как Эдди обладал высоким ростом и накачанной мускулатурой, Уэсли был пониже ростом и имел склонность к полноте. Во многих отношениях они являлись полной противоположностью. Отношения у них с Ярдли начались год назад, и через девять месяцев Уэсли перебрался жить к ним с Тэрой.

– По-моему, ты не услышала ни одного слова из того, что я говорил, так? – спросил он.

– Это настолько заметно? – Джессика виновато тронула его руку.

– О чем ты думаешь?

Вздохнув, она пригубила вино и проводила взглядом огни машины, петляющей по каньону.

– Ты помнишь Кейсона Болдуина? Агента ФБР, который вместе со мной занимался делом «Насильника с бульваров»?

Кивнув, Уэсли скинул ботинки и откинулся назад.

– Это тот джентльмен, с которым ты встречалась до меня?

– Он самый, – усмехнулась Уэсли.

– Хороший парень. Хотя внешность у него скорее как у рок-музыканта, покуривающего «травку», а не федерального агента. Ему следует об этом задуматься, если он хочет, чтобы к нему относились серьезно... И что с ним?

– Сегодня он приходил ко мне в суд. – Джессика замялась. – Он хочет, чтобы я ему кое в чем помогла.

– Да? Интересное дело?

– Кейсон считает, что он столкнулся с подражателем Эдди Кэла.

Уэсли ответил не сразу. Он молчал так долго, что Ярдли взглянула на него, убеждаясь, что он ее услышал.

– Что он хочет от тебя? – наконец спросил Уэсли.

– Он хочет, чтобы я ему помогла. Убиты две пары – одна в Северном Лас-Вегасе, другая в Сент-Джордже. С интервалом в три недели. Кейсон считает, что будут и другие жертвы.

– Ты – прокурор. Какое ты имеешь к этому отношение?

– То же самое сказала ему и я. Кейсон говорит, что у меня могут быть какие-нибудь мысли, поскольку я близко знала Эдди.

– Это же нелепо, – фыркнул Уэсли. – Ты послала его ко всем чертям, правильно?

– Да, я ему отказала. – Ярдли колебалась дольше, чем собиралась, и поняла, что он это почувствовал.

– Но ты думаешь об этом.

– Не думаю.

– Нет, думаешь. Меня ты не обманешь, Джессика.

Шумно вздохнув, она посмотрела на отражение луны в бокале с вином.

– Есть тут что-то... просто... даже не знаю. Теперь я уже могу не думать об этом. Я всегда сама принимаю решение, делать что-то или нет. Мне кажется, что по прошествии почти шестнадцати лет я имею на это право. Быть может, я действительно смогу чем-нибудь помочь.

– Знаю, ты пытаешься отрицать то, какое огромное влияние оказал на тебя Эдди. Ты думаешь, что всегда принимала выбор сама, однако человеку очень непросто смотреть на себя со стороны непредвзято. До того как познакомиться с Эдди, ты была фотографом, затем всего через год после его ареста уже слушала курсы по криминальной психологии, потом поступила на юридический факультет университета, и вот теперь ты не просто прокурор, а прокурор, специализирующийся на домашнем насилии и сексуальных преступлениях. Неужели ты действительно полагаешь, что этот эпизод в твоей жизни не оказал на тебя никакого влияния? И я вовсе не хочу сказать, что вся твоя последующая жизнь – это лишь реакция на случившееся. Это совсем не так. Я горжусь всем тем, чего ты добилась; ты достигла поразительных высот. Однако тебе нужно направить свои мысли в другую сторону. Неужели по прошествии такого долгого времени ты собираешься подвергать себя риску, возвращаясь назад?

Ярдли отпила глоток вина.

– Знаю, ты миллион раз повторял, что я ни в чем не виновата; то же самое мне миллион раз повторял мой психолог, то же самое мне говорили родственники жертв... но я чувствую себя виноватой. Я была его женой. Уэсли, я была его женой! Признаки были на виду, но я их не видела.

– Да, признаки были. Но вот видны они стали лишь потом. Задним умом все крепки. Человек начинает убеждать себя в том, что жизнь предсказуема. Однако это не так. Эдди Кэл – один из тех извращенцев, которые появляются на свет раз в несколько лет и внешне выглядят как самые обыкновенные люди. Ты целуешь такого и чувствуешь его губы, говоришь с ним, и он тебе сочувствует, но на самом деле внутри у него пустота. Черная дыра. На самом деле никакого человека просто нет. На твоём месте любой другой вел бы себя так же.

– Ты можешь говорить мне все что угодно, я даже сама порой заставляю себя верить во все это, но чувства никуда не уходят. А чувство – это тоже форма сознания. Я чувствую, что могла бы остановить Эдди.

– И что, помощь Болдуину будет своеобразным искуплением? У тебя ничего не получится. На твои чувства это никак не повлияет... и я боюсь того, какими будут последствия. – Уэсли устремил взгляд в пустыню. – Вчера ночью тебе снова приснился кошмар. Ты металась по кровати и брыкалась, словно дралась с кем-то. Это продолжалось всего несколько секунд,

но это было. Неужели ты не можешь понять, что это твое сознание пытается что-то тебе сообщить? И ты надеешься облегчить свою душу...

Джессика ничего не сказала.

– Сделай мне одно одолжение: поговори со своим психологом. Думаю, она скажет то же самое: не делай этого, не возвращайся назад!

Ярдли снова отпила глоток вина. У нее сложилось впечатление: Уэсли знает, что она уже приняла решение по крайней мере ознакомиться с делом.

После ужина Джессика позвонила Болдуину на сотовый.

Глава 6

Кейсон переслал ей на электронную почту материалы дела и предупредил следователей полиции Сент-Джорджа, что она направляется туда. Полицейский должен был встретить ее у дома Олсенов.

– Джесс, ты хорошо подумала? – сказал ей по телефону Болдуин, когда она ехала в Сент-Джордж. – Я не хочу, чтобы ты занималась тем, чем не хочешь заниматься.

– Кейсон, ты вывалил все на меня в надежде на то, что именно это и произойдет. И теперь не прячься за фальшивым сочувствием. К тому же я просто посмотрю, что к чему. Я еще не решила, буду ли помогать тебе.

Шоссе оставалось пустынным, лишь изредка проносились легковые машины, спешащие по каньонам из Невады в Юту. Днем поездка доставила бы удовольствие человеку, влюбленному в пустыню, к каковым относилась Ярдли, однако ночью вокруг простирался лишь непроходимый мрак. Мрак и уродливые тени там, где при свете дня возвышались бы горы.

До Сент-Джорджа было недалеко, и Джессика быстро отыскала дом Олсенов. Городок располагался в плоской долине, окруженной красными скалистыми горами и песчаными барханами. Ярдли решила, что он похож на огромную миску.

Дом Олсенов устроился на вершине скалы, откуда открывался панорамный вид на Сент-Джордж. Отсюда можно было видеть белый восточный фасад мормонского храма в центре города.

Джессика остановилась на обочине рядом с полицейской машиной. Когда она вышла из машины, к ней подошел невысокий полный мужчина в полицейском мундире в обтяжку.

– Я жду вас уже двадцать минут, – недовольно пробурчал он.

Как федеральный прокурор, Ярдли формально обладала юрисдикцией на всей территории Соединенных Штатов, а федеральный суд стоит выше суда штата. Это создавало молчаливую напряженность в отношениях с местными правоохранительными органами: федеральный прокурор, к тому же женщина, имеет право вмешиваться в их расследования и при желании забирать их себе...

– Извините, – Джессика улыбнулась. – Я живу в другом штате. Я очень благодарна вам за помощь.

Нахмурившись, полицейский протянул ей ключ.

– Когда закончите, завезите его в участок. Или я могу подождать здесь, если вы ненадолго.

– Возможно, ненадолго.

Сказать по правде, Ярдли понятия не имела, сколько времени проведет в доме, но ей была приятна мысль, что полицейский останется рядом, пока она будет находиться там: Джессика не знала, какой будет ее реакция.

– Хорошо, я подожду.

Она направилась к дому. Большинство прокуроров никогда не бывают на месте преступления, и многие даже не общаются с жертвами, предоставляя это социальным работникам и адвокатам. Но Ярдли давала номер своего сотового жертвам всех дел, которыми занималась, и бывала по крайней мере раз на месте каждого преступления.

Сам дом представлял собой бурое плоское строение в духе пуэбло с кактусами у крыльца. Вместо травы щебенка – обычное дело для пустыни; длинная дорожка вела к гаражу на две машины. Ярдли сорвала желтую ленту с входной двери и положила ее на крыльцо.

Воздух внутри был теплым и затхлым. На протяжении трех дней окна не открывались. Скоро родственники пригласят специальную бригаду, наводящую порядок на месте преступления, и выставят дом на продажу. Риелторы в штате Юта не обязаны сообщать потенциаль-

ным покупателям о том, что в доме произошло убийство или самоубийство, если только их прямо не спросят об этом, и Ярдли прониклась жалостью к тому семейству, которое переедет в этот дом, ни о чем не подозревая, и лишь потом узнает от соседей о том, что здесь произошло.

Она зажгла свет. Мебель была современной, обстановка в гостиной отличалась скудостью. На ковролине сохранились знакомые вдавленные узоры, оставленные электростатической машиной для сбора пыли. Эксперты-криминалисты расстелили на ковролине листы термопластика и включили машину, наводящую на него электростатический заряд. После этого они провели по листам катками, обтянутыми мягким материалом. Все посторонние вкрапления в ворсе ковролина: волосы, волокна, пылинки и даже отпечатки обуви, образованные грязью, – прилипли к листам. Затем все обнаруженные улики были отправлены на анализ в лабораторию изучения улик ФБР в Вашингтон.

Десятки убийств и похищений раскрываются благодаря уликам, собранным с помощью электростатической машины. Преступники даже не догадываются о том, что ворс ковров и ковролина у них дома и ковриков в машине можно идентифицировать, – а также о том, что он так легко переносится с места на место. Как только подозреваемый установлен, в лаборатории смогут определить соответствие волокон, обнаруженных на месте преступления, с теми, которые взяты у него дома или в машине.

Обыкновенно криминалисты раскладывают листы термопласта только в тех местах, по которым с наибольшей вероятностью мог пройти преступник. Здесь же оставленные электростатической машиной узоры расходились до самых отдаленных уголков ковролина. Болдуин сказал правду: он обследовал место преступления досконально. И ничего не обнаружил.

Достав телефон, Ярдли открыла файлы, присланные Болдуином: первые отчеты полиции Сент-Джорджа, материалы следователей ФБР, в том числе результаты осмотра места преступления, анализ характера брызг крови, данные токсикологической экспертизы и протоколы вскрытия. Последние, пока что еще не в окончательном виде, занимали больше пятидесяти страниц.

Согласно предварительному заключению патологоанатома, обе жертвы умерли от потери крови – попросту истекли ею. На руках Райана Олсена имелись многочисленные порезы, на пальцах и ладонях. Он пытался сопротивляться, вероятно, даже после того, как ему перерезали горло.

Характер ножевых ранений и тип использованного лезвия установлены не были. Как сказал Болдуин, все указывало на то, что преступник дополнительно поработал над ранами, чтобы исключить идентификацию лезвия. У Ярдли мелькнула мысль: он делал это в перчатках или же ему хотелось ощутить своими пальцами прикосновение к влажным от крови тканям порезов?

Полицию вызвали соседи Олсенов после того, как Айзек, их единственный сын, утром на следующий день открыл дверь в спальню своих родителей и увидел самый страшный кошмар в своей жизни, ставший явью.

Убрав телефон в сумочку, Ярдли прошла на кухню. На стене над плитой висела толстая деревянная дощечка с надписью: «Кухня – сердце дома». Заглянув в холодильник, Джессика увидела знакомые продукты – такими же был заполнен холодильник у нее дома, когда Тэра была маленькой: небольшие упаковки пиццы, гамбургеры, вафли с черничным джемом, сок. Она закрыла холодильник. Ей не хотелось идти в спальню, поэтому Ярдли прошла в гостиную в конце коридора. Большой плоский телевизор, стереосистема, стеллаж с видеодисками. У стеллажа лежал планшет. Джессика взяла его и включила. Планшет загрузился без пароля. Он был перепачкан чем-то липким, карамелью или шоколадом. Ярдли предположила, что это планшет Айзека. Открыв папку с фото и видео, она включила первую видеозапись.

Держа планшет в руках, ребенок снимал, как его родители готовят ужин. Райан рассказывал жене про статью в журнале, которую он прочитал, а Айзек подсматривал из-за угла. Притворившись, что он этого не видит, Райан сказал:

«Думаю, нужно отправить Айзека к деду и бабушке. Он не убирает за собой, так что ему будет лучше пожить там».

«Согласна», – Обри улыбнулась.

«Папа!» – испуганно воскликнул мальчик.

«Что? Айзек, так ты все слышал?»

Джессика печально улыбнулась.

Схватив сына, Райан принялся его щекотать. Мальчик засмеялся и выронил планшет. Запись оборвалась.

Ярдли положила планшет на место, чувствуя, что семейство Олсенов ей понравилось бы. Затем, шумно вздохнув, направилась в спальню.

Глава 7

Ярдли остановилась перед дверью в спальню. Двустворчатая дверь с бронзовой фурнитурой. Она мысленно представила себе, как Айзек утром распахнул обе створки... и увидел то, что увидел. Взявшись за обе ручки, она толкнула двери, как это сделал бы ребенок.

Казалось, комната встретила ее безмолвным криком.

Одеяло забрали на экспертизу, но матрас остался. Кровь, высохнув, приобрела матово-серый цвет.

Желтые пронумерованные бирки обозначали места, где были взяты образцы разбрызганной во все стороны крови. Ковролин рядом с кроватью был покрыт сплошной коркой; брызги виднелись на потолке, на трех стенах и на окне, выходящем в долину.

Впервые Ярдли увидела следы крови, фонтаном хлеставшей из рассеченных крупных артерий, на фотографиях жертв Эдди Кэла. После того как прошло первое оцепенение, вызванное его арестом, она заставила себя просмотреть снимки с мест преступлений, посетить могилы жертв и посмотреть интервью с теми, кому посчастливилось выжить. Как впоследствии объяснил ей психолог, для нее это было формой самонаказания. Ярдли наказала себя так жестоко, что это нанесло тяжелейшую рану ее психике. Потребовались годы, чтобы залечить эту рану.

По отчету Болдуина чувствовалось, что криминалисты поработали досконально. Сквозь медный привкус крови Ярдли различила слабый запах магнитного порошка для снятия отпечатков пальцев. Она также не сомневалась в том, что агент ФБР попросил экспертов обработать поверхности флуоресцентным порошком, просто чтобы убедиться, что никаких отпечатков нет. Но если это действительно был раздражитель, он пришел в перчатках. И, скорее всего, сбрил волосы на всем теле и надел шапочку, чтобы не оставить на месте преступления ни одного волоска. Именно так поступал Эдди Кэл.

Поймать такого преступника с помощью одной лишь криминалистической экспертизы будет невозможно.

Висящая в шкафу одежда Олсенов выглядела так, словно ее забрали из морга. Яркий свет люминесцентных ламп придавал тканям нездоровый зеленоватый оттенок, из-за чего создавалось впечатление, будто они истлели, будто они рассыплются и исчезнут вместе с телами своих владельцев.

Ярдли постаралась убедить себя в том, что такое невозможно, что у нее разыгралось воображение. Пожалуй, настало время уходить отсюда.

На верхней полке лежали запечатанные коробки с игрушками.

Выходя из комнаты, Джессика погасила за собой свет. Пройдя по коридору, она нашла комнату Айзека, расположенную меньше чем в десяти футах от спальни его родителей. Ярдли прочитала протокол допроса мальчика в центре опеки. Айзек утверждал, что в ту ночь ничего не слышал. Джессика предположила, что Райан Олсен, опасаясь за жизнь сына, продолжал отчаянно бороться с преступником, даже истекая кровью.

Вздыхнув, она заглянула в комнату мальчика.

Из материалов дела Ярдли знала, что у Айзека на следующей неделе день рождения. Вернувшись в спальню родителей, она взяла коробки с игрушками, все три, после чего погасила свет в доме.

Выйдя на улицу, вернула ключи от дома полицейскому. А когда тот уехал, села на ступени крыльца, глядя на город. На спортивной площадке расположенной неподалеку школы шел футбольный матч. Слышался возбужденный рев комментатора, а также одобрительные крики болельщиков. Ярдли набрала номер Болдуина.

– Да, – ответил тот.

- Завтра я скажу Рою, что хочу заняться этим делом. В ближайшее время у меня никаких судебных заседаний не назначено, есть лишь несколько текущих дел.
- Джесс, не могу выразить словами, как я тебе признателен!
- Я так понимаю, Айзек в приемной семье. Мне бы хотелось узнать адрес. У меня подарки на его день рождения.

Глава 8

На следующий день Джессика сообщила своему начальнику Рою Лью, что хочет заняться делами Динов и Олсенов. Тот согласился.

Ярдли сознавала, как ей повезло в том, что она федеральный прокурор. У прокуроров штата, перегруженных работой, не оставалось времени на то, чтобы помогать следствию и проводить допросы. Федеральные прокуроры сами выбирали себе дела и могли никуда не торопиться. В то время как прокурор штата мог в лучшем случае поговорить с жертвой до начала судебного процесса всего один раз, Ярдли при желании могла встретиться с жертвой хоть десять раз. Она имела право отправлять следователей ФБР собирать нужные ей улики, а могла и отказываться от дел, браться за которые не считала нужным. Если б она работала прокурором штата, у нее не было бы времени помогать Болдуину.

Ярдли взглянула на часы. Через час полиция Сент-Джорджа устраивает брифинг по делу Олсенов; Болдуин попросил ее съездить туда вместе с ним.

Она подождала его на улице.

Перед ней остановился черный «Мустанг». Рядом с водителем сидел Ортис, поэтому Джессика устроилась сзади. В салоне пахло теплой кожей и вишневым ароматом освежителя воздуха, висящего на зеркале заднего вида.

Обернувшись, Болдуин протянул Ярдли стаканчик кофе. Выехав на автостраду, они направились в сторону Юты.

– Я проспорил ему двадцать долларов, – сказал Ортис.

– За что?

– Я был уверен, что вы откажетесь. Прокуроры по возможности избегают лишней работы.

* * *

Управление полиции Сент-Джорджа располагалось в приземистом кирпичном здании на вершине холма, окруженном административными зданиями.

Внутри царил чистота. Не разносились громкие крики задержанных, находящихся в камерах предварительного заключения, что свойственно полицейским участкам крупных городов. В просторном помещении за школьными партами собрались человек двадцать полицейских. Начальник полиции и сержант шагнули навстречу Болдуину и Ортису, пожимая им руки. Ярдли прислонилась к стене, стараясь не привлекать к себе внимания.

– Так, прошу всех садиться, – сказал начальник полиции, крупный мужчина с брешком. – Сегодня к нам пожаловали агенты Ортис и Болдуин, они хотят поговорить о деле Олсенов. И прежде чем предоставить им слово, я хочу сказать следующее: я слышал, что кое-кто из вас говорит, что это работа серийного убийцы. Я требую, чтобы никто даже не заикался об этом, понятно? Меньше всего нам нужно, чтобы люди запаниковали, испугавшись какого-то там маньяка. Это вам не «Темный Казанова». Пока что, насколько известно средствам массовой информации, как это указано в нашем деле, речь идет о нераскрытом убийстве – только и всего. – Он кивнул Болдуину. – Что у вас, агент Болдуин?

«Темный Казанова». Ярдли уже давно не слышала это выражение. Так пресса окрестила Эдди Кэла. Прозвище придумал журналист «Лос-Анджелес таймс», потрясенный привлекательной внешностью Эдди. Он сказал, что Кэл был бы похож на Джеймса Дина⁵, если б тот не погиб в двадцать четыре года.

⁵ Джеймс Дин (1931–1955) – американский актер, дважды номинировался на «Оскар». Погиб в автокатастрофе. Трагическая смерть, легенды и мифы, окутавшие его жизнь, создали культовый статус его личности.

Ярдли прекрасно помнила заголовок на первой полосе газеты после ареста Эдди. «Темный Казанова и его сногшибательная блондинка: Бонни и Клайд наших дней». Там была фотография их с Эдди, сделанная несколько лет назад на пляже. Увидев ее, Джессика поспешила в душ: она терла себя так отчаянно, что у нее горела кожа.

Шагнув вперед, Болдуин подбоченился. Распахнувшиеся полы пиджака открыли пистолет калибра 45 в кобуре под мышкой. Он сделал это умышленно. В правоохранительных органах существует негласный культ оружия, и то, какой у человека пистолет, говорит о нем многое. Своим огромным «кольтом» Болдуин говорил полицейским Сент-Джорджа: «Он у меня больше, чем у вас».

– Поскольку в настоящий момент у нас мало что есть, я соглашусь с лейтенантом Юбенком: пока что мы не можем называть это убийство делом Темного Казановы. Я слышал разговоры о «Казанове-младшем», что, вероятно, еще хуже, поскольку такое прозвище звучит унижительно и преступник, посчитав себя оскорбленным, поспешит нанести новый удар. Хотя действительно налицо многие черты, свойственные убийствам, совершенным «Темным Казановой», и мы разрабатываем версию того, что речь идет о подражателе, в настоящий момент мы не хотим обнародовать эту информацию. Порой подражатель не подозревает о том, что повторяет чьи-то преступления, но, увидев это в новостях, меняет свои методы и тактику. Мы хотим, чтобы преступник думал, что в настоящий момент нам о нем ничего не известно.

Один полицейский в первом ряду поднял руку.

– Да, Кларк.

– Я видел в отчетах, что мы не знаем, каким образом преступник проник в дом. У вас есть что-нибудь на этот счет?

– У нас есть предположение. Весьма вероятное, однако пока что это только предположение. Замки на дверях и на окнах не повреждены, соседи в тот день не видели на улице никого подозрительного. В настоящий момент мы считаем, что у преступника был ключ или, что более вероятно, универсальная отмычка. Сейчас в Интернете можно купить такие, какие отпрут девять из десяти замков.

– Что насчет сигнализации? – спросил другой полицейский.

– Мы связались с охранной компанией, и нам ответили, что в двадцать часов двадцать семь минут имело место ложное срабатывание сигнализации. Ответившая на контрольный звонок Обри Олсен сказала, что сигнализация только что сработала, однако они с мужем находились дома и ничего не открывали. В компании ей предложили проверить входную дверь, поскольку сработал именно тот датчик, но миссис Олсен сказала, что все это время находилась не далее чем в двадцати шагах от двери и ничего не видела. Мы предполагаем, что преступник разорвал цепь, вставив между датчиком и ответной частью кредитную карточку или лезвие ножа или отперев замок с помощью отмычки и приоткрыв дверь на пару дюймов, чтобы отвлечь внимание Олсенов, после чего обежал вокруг дома и проник в него через дверь гаража, не оснащенную датчиком. Мало кто оборудует сигнализацией дверь гаража. Время смерти Олсенов – около полуночи, то есть преступник примерно четыре часа прятался где-то в доме или в гараже. Пока что мы не можем сказать, чем он руководствовался, поступив именно так. Ему было бы значительно проще дожидаться, когда Олсены заснут, и проникнуть в дом через дверь гаража. Суть этого пространного объяснения в том, что мы еще прорабатываем версии, почему сработала сигнализация, и однозначного ответа на этот вопрос у нас пока что нет.

– Вы уверены в том, что изнасилования не было? – спросил еще один полицейский. – Я хочу сказать, это ведь можно скрыть.

– Нет никаких свидетельств того, что миссис Олсен или миссис Дин подверглись в каком-либо виде сексуальному насилию, что является главным отличием этого подражателя от Эдди Кэла.

– Тогда как это можно объяснить? По-моему, все эти преступники – спятившие извращенцы.

– Полагаю, ответить на этот вопрос и дать нам общее направление поисков сможет мисс Ярдли из федеральной прокуратуры Соединенных Штатов, – сказал Болдуин. – Она имеет дипломы в области криминалистики и клинической психологии и обладает большим опытом ведения дел о преступлениях сексуального характера, благодаря чему может оказать неоценимую помощь в этом расследовании.

Джессика поняла, что он упомянул про ее образование и опыт, чтобы произвести впечатление на полицейских-мужчин. И все-таки она была недовольна тем, что Болдуин вынудил ее обращаться к ним. В настоящий момент она не могла сказать ничего, что помогло бы выйти на того, кто совершил это преступление.

Ярдли ступила вперед.

– В прошлом мы считали, что убийство само по себе является сексуальным актом. Еще каких-нибудь десять лет назад любой психолог-криминалист, взглянув на это дело, сказал бы, что преступник, скорее всего, является импотентом. Причем либо это имеет чисто психосоматический характер, либо преступник перенес какое-либо заболевание или травму, что не позволяет ему получить эрекцию. И нож для него – суррогат, выполняющий сексуальные функции. Вероятно, это белый мужчина тридцати с небольшим лет, с очень высоким интеллектом, обладающий алкогольной или наркотической зависимостью.

Она посмотрела на полицейского, задавшего вопрос.

– Однако обширная статистика, собранная ВОЗ и Федеральным управлением по контролю и профилактике заболеваний, показала ошибочность подобного подхода. В действительности мы до сих пор не понимаем, почему эти люди так поступают. Последние исследования указывают на проблемы органического характера: например, патологическое изменение миндалины – участка головного мозга, отвечающего за регулирование эмоций, что может привести к неконтролируемым вспышкам сексуального насилия. Согласно одной из теорий, такие люди искренне верят, что секс и насилие – это одно и то же.

Ярдли оглянулась на Болдуина, внимательно наблюдающего за ней.

– В противоположном конце спектра – доктор Дэниел Сарт, профессор психиатрии медицинского факультета Гарвардского университета, пожалуй, самый авторитетный в мире специалист по психопатологии насилия. Он отрицает органический характер проблемы и считает, что все эти люди совершенно сознательно делают то, что делают, полностью дистанцируясь от своих поступков. Они – опять же в буквальном смысле – считают себя зрителями, наблюдающими со стороны за причиненными ими страданиями, к которым сами не имеют никакого отношения. Многие серийные преступники, совершившие убийства на сексуальной почве, заявляли о каком-то «туманном голосе», который нашептывал им, что делать. Согласно обеим теориям, преступники, как правило – хотя это и необязательно, – обладают высоким интеллектом. Вот почему их так трудно поймать.

– Что? – воскликнул полицейский с коротким «ежиком» на голове. – Вы полагаете, этот парень умен?

– С точки зрения криминалистов, место преступления безукоризненно чистое; также преступник совершил очень умный ход, когда отвлек внимание Олсенов ложным срабатыванием сигнализации – то ли для того, чтобы обеспечить отсутствие кого бы то ни было рядом с дверью гаража, то ли с какой-то иной целью. Все это говорит о системном, логическом мышлении. Я не удивлюсь, если окажется, что преступник имеет высшее техническое или медицинское образование – инженер или врач. Многие серийные убийцы, демонстрирующие подобное комплексное мышление, происходят как раз из этой среды.

– Как вы полагаете, у нас в запасе есть пара недель, чтобы поймать этого человека, прежде чем он совершит следующее преступление? – спросил начальник полиции.

– Два предыдущих случая разделяют три недели, однако преступник, как правило, сокращает цикл.

– Что вы хотите сказать?

– Серийные убийцы такого типа работают циклами. Первая фаза – когда убийца теряет связь с реальностью и начинает жить исключительно в мире фантазий, сложившемся у него в сознании. Затем наступает фаза охоты, когда он начинает активные поиски жертвы, после чего следует фаза завлечения, в ходе которой убийца обдумывает, каким образом заманить жертву в такое место, где та окажется наиболее уязвимой. После чего следует фаза поимки – в данном случае вторжение в дом. Далее – фаза собственно убийства, и, наконец, фаза острой депрессии после того, как угасает возбуждение убийства. Известны многочисленные случаи того, как серийные убийцы сводили счеты с жизнью в последней фазе.

– Да, блин, будем на это надеяться, – фыркнул один из полицейских.

Ярдли усмехнулась. Какое облегчение она испытала бы, если б это дело разрешилось именно таким образом... Однако этого не произойдет. Такие чудовища цепляются за свою ущербную жизнь с маниакальным упорством. Свидетельством чему – то, что сделал после своего задержания Эдди Кэл.

Словно прочитав ее мысли, еще один полицейский спросил:

– Вы ведь бывшая жена Эдди Кэла, не так ли?

Остальные полицейские молчали, не отрывая от нее взгляда.

Время от времени в жизнь Ярдли вторгались охочие до сенсаций журналисты, готовые продаться тому, кто больше заплатит, и ее фотографии снова появлялись в бульварной прессе. Джессика запомнила один заголовок: «Невеста Франкенштейна», и фотография, на которой она выходит из бакалейной лавки. Ярдли поймала свою дочь читающей эту статью на компьютере.

Буквально физически чувствуя своей кожей пристальные взгляды, она с большим трудом подавила желание отвернуться.

– Да, это так.

– Значит, вот почему вы занимаетесь этим делом? Потому что вам так много о нем известно?

– Я здесь, – сказала Джессика, – потому что занимаюсь именно такими делами в федеральной прокуратуре Соединенных Штатов.

– Но у вас должны быть какие-то мысли насчет того, почему этот тип занимается этим, верно? Вы ведь были замужем за таким же?

Болдуин попытался было что-то сказать, однако Ярдли его опередила:

– Психопатология подражателя разительно отличается от психопатологии преступника, которому он подражает. Подражатель похож скорее на охотника, идущего по следу добычи, чего мы не можем сказать про настоящего серийного убийцу. Для подражателя убийство является средством достижения цели, в то время как для истинного серийного садиста само убийство и есть цель. Так что, боюсь, мое... прошлое тут не поможет. Мы должны поймать преступника исключительно за счет доброй старой полицейской работы.

– Вот почему для нас так важно делиться друг с другом всем, что у нас есть, – подхватил Болдуин. – Мне прекрасно известно, в какое мелочное соперничество мы можем ввязаться, выясняя, кто, что и когда сделал. Лично мне наплевать, кому достанутся лавры. Я не хочу увидеть свою фамилию в газетах, мне это не нужно. Я просто хочу остановить этого подонка. Так что – пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! – не прячьте улики. Давайте просто схватим этого ублюдка и посмотрим, как его поджарят.

Полицейские дружно закивали.

Далее слово взял начальник полиции, осветивший несколько вопросов. Полиция Сент-Джорджа снова обойдет квартал, где жили Олсены, на этот раз расширив круг поисков, в надежде на то, что кто-нибудь из соседей припомнит что-то подозрительное.

Ярдли понимала, что это совершенно бесполезно. Кэл выходил на дело только ночью. Перед тем как уйти, он целовал ее и говорил, что его осенило вдохновение и он отправляется работать в студию. Как-то раз поздно вечером ей позвонила его мать, и они поговорили о том, как усердно работает Эдди. Джессика до сих пор каждый год возила Тэру на ранчо Кэлов. Она гадала, испытывает ли ее бывшая свекровь при воспоминании о том разговоре то же самое тошнотворное чувство, что и она сама.

«Сколько раз он забирался ко мне в постель после кровавой расправы над очередной семьей? Сначала принимая душ и смывая кровь в ту самую ванну, в которой мылась я...»

Перед глазами у нее возникла непрошенная картина: ее обнаженное тело лежит в ванне, доверху наполненной алой кровью.

Поймав себя на том, что у нее дрожат руки, Ярдли сжала их вместе и опустила, чтобы никто не увидел.

Брифинг закончился. Начальник полиции пожал руки Ортису и Болдуину и кивнул Джессике. Полицейские стали расходиться.

– Вы проверили сексуальных насильников? – спросила она у Болдуина.

– Допросили всех в Лас-Вегасе и сегодня собираемся приниматься за округ Вашингтон⁶.

В расследованиях серийных убийств настоящей золотой жилой потенциальных преступников являются те, кого уже привлекали к ответственности за сексуальные насилия. Для того чтобы опросить всех подозреваемых, проживающих в данной местности, требуются колоссальные людские ресурсы, однако Ярдли не сомневалась в том, что местные правоохранительные органы, опасаясь паники, неминуемой в том случае, если станет известно о работе серийного убийцы, при содействии ФБР постараются решить эту задачу в кратчайшие сроки.

– Я хочу помочь, – сказала она.

Болдуин смерил ее взглядом.

– Точно?

– Да.

– Джесс, тебе необязательно...

– Всё в порядке, Кейсон.

Какое-то время он молча смотрел на нее, затем сказал:

– Оскар принимается за работу через пару часов, после того как поговорит с сотрудниками, осуществляющими надзор. Я встречаюсь с начальником местного отделения Бюро, чтобы доложить ему самую свежую информацию, после чего присоединюсь к вам. – Он умолк, провожая взглядом выходящих из зала полицейских. – Если дело дойдет до той точки, когда ты больше не сможешь, ничего постыдного в этом не будет. Никакое расследование не стобит твоего психического здоровья.

– Если речь идет о подражателе, то Эдди в ответе за эти преступления в той же степени, как и за свои собственные. Раньше я ничего не могла сделать, но теперь могу.

Засунув руки в карманы, Болдуин накрыл верхнюю губу нижней – это выражение свидетельствовало о том, что он что-то обдумывает.

– Ну хорошо, но только не забывай, что это не Эдди Кэл и ты ничем не обязана этим жертвам.

– Объясни это Айзеку Олсену.

⁶ Имеется в виду округ в шт. Юта, граничащий со шт. Невада.

Глава 9

К вечеру Ярдли и Ортис провели восемь допросов. У Джессики ныла спина, она умирала от голода. У большинства подозреваемых было вполне приличное алиби, а те немногие, кто сказал, что находился дома один, никак не соответствовали образу, сложившемуся у Ярдли в голове. Их также вычеркнули из списков, после того как будут проверены данные по сотовым телефонам и интернет-трафик в ночь убийства.

Ортис ей понравился. В машине он рассказал про свою недавно родившуюся дочку, про то, как пришел работать в правоохранительные органы. Ярдли поинтересовалась, известны ли ему какие-либо подробности про детство Болдуина, про то, как была убита его мать, однако Ортис ответил, что его напарник никогда про это не рассказывал.

Когда они сели в машину после допроса очередного подозреваемого, Ортис сказал:

– Мне до смерти хочется кое о чем у вас спросить, но я не знаю, насколько это будет прилично.

– Вот как? Всё в порядке, спрашивайте.

– Эдди Кэл. Вы хоть раз чувствовали что-либо неладное? Когда говоришь с соседями таких типов, все заявляют в один голос, что с ними всегда было что-то не так, просто они не могли понять, в чем дело. Мне просто любопытно, поскольку я считаю, что у каждого человека есть инстинкты, помогающие ему выжить. Вы читали «Дар страха»? Понимаете, для нас страх – это дар; он помогает нам избежать опасности, даже когда мы не сознаем того, что опасность где-то рядом. И вот мне просто хочется узнать, было ли у вас что-нибудь?

Ярдли уставилась в окно на торговый центр, мимо которого они проезжали. Магазины спиртных напитков, табачные лавки, и вот теперь заведение, торгующее марихуаной... Для Лас-Вегаса что-то совершенно новое.

Помолчав добрых десять секунд, она наконец сказала:

– Нет, никогда.

– Ни разу? За все время замужества?

– Ни одного раза. Объективно Эдди Кэл был самым милым, самым обаятельным человеком из всех, кого я только знала. Он никому слова резкого не сказал.

Ортис задумчиво кивнул.

– Давайте закончим с этим болваном, после чего перехватим по бургеру. В трех кварталах от дома, где он живет, есть одно потрясающее заведение.

Они подъехали к жилому комплексу на окраине города. Одноэтажные здания с плоскими крышами. На взгляд, больше похожие на складские помещения, чем на жилые дома. За комплексом начинался холм, ведущий к песчаным барханам.

– Дилберт Морган, – сказал Ортис, поставив машину на стоянку. – Вы можете в это поверить? Дилберт! Уже по одному имени можно сказать, что это сексуальный насильник. На его месте я не пожалел бы денег, чтобы его сменить.

Ортис постучал в дверь. Ярдли огляделась по сторонам. За каждым домом был небольшой дворик, по большей части заставленный старой мебелью и умирающими растениями.

– Дилберт, откройте дверь! Это Оскар Ортис из ФБР. Мне нужно с вами поговорить. Вам ничего не угрожает, но нам нужно поговорить.

Он снова заколотил в дверь.

– Дома его нет, а он нигде не работает. Сотрудник по надзору сказал, что звонил ему вчера и сегодня, но он не ответил.

– Может быть, выехал на природу...

– Он в реестре новенький, – покачал головой Ортис. – Ему не разрешается покидать город без согласования с сотрудником по надзору.

Ярдли услышала какой-то звук, донесшийся из дворика за домом. Заглянув за угол, она увидела, как какой-то мужчина отпирает калитку. Какое-то мгновение неизвестный смотрел на нее, после чего рванул в переулок между домами.

– Он подался в бега!

– Проклятие, – пробормотал Ортис, устремляясь следом.

Джессика позвонила Болдуину, и тот сказал, что на место срочно выезжает полицейский наряд. Он попросил ее вернуться в машину и никуда из нее не выходить.

Ярдли обошла вокруг дома. Она больше не видела ни неизвестного, ни Ортиса и не слышала их. Калитка во дворик осталась открытой. Толкнув ее, Джессика шагнула во двор. Раздвижные стеклянные двери вели в дом. Оглянувшись по сторонам, Ярдли вошла внутрь.

Внутри царил тишина. Пахло чем-то вроде пота. Джессика поймала себя на том, что у нее пульсирует кровь в висках. Наверное, лучше было подождать на улице, как предложил Болдуин. У нее не было никаких веских оснований находиться здесь; она не следователь. Тем не менее любопытство оказалось слишком сильным. Как правило, лица, совершившие насилие сексуального характера, обязаны оказывать всестороннее содействие сотрудникам правоохранительных органов. И то, что этот человек попытался скрыться бегством, означало, что получить пулю при задержании для него лучше, чем оказаться в руках полиции. Тот, кто убил Олсенов и Динов, живым не дастся.

На кофейном столике перед протертым коричневым диваном лежали кучки марихуаны, пепельница была полна окурков. На кухне горел свет. Под мойкой выстроилась батарея бутылок из-под водки и виски. Высунув голову в коридор, ведущий в спальню, Ярдли окликнула:

– Эй, есть тут кто-нибудь?

Справа находился санузел, грязный и воняющий мочой. Раковина была полна сбритых волос и засохшей зубной пасты. На полочке стояли янтарно-желтые флаконы. Ярдли мельком взглянула на них. Среди препаратов были нейролептические средства.

Пришло текстовое сообщение от Болдуина: «Они уже в пути. Говорил с Оскаром. Он его потерял».

Из спальни донесся какой-то звук.

Ярдли вздрогнула.

Постояв немного, она прокралась на цыпочках к двери спальни. Кровать не заправлена, белье грязное, в пятнах, обсыпанное табачным пеплом. Двери шкафа закрыты. Ярдли собралась уже развернуться и уйти, но тут услышала снова.

Негромкое шарканье ног по ковровину.

– Эй!

Джессика достала из сумочки баллончик со слезоточивым газом. На улице никаких сирен.

Сглотнув комок в горле, Ярдли шагнула к шкафу.

– Есть тут кто-нибудь?

Под оглушительный стук крови в висках, сжимая в руке баллончик, она медленно открыла дверь.

В шкафу лежала молодая женщина, связанная по рукам и ногам. Рот ее был залеплен изолентой. По щекам растеклась косметика, смешанная со слезами.

Женщину охватила истерика. Она начала всхлипывать и брыкаться, попав плечом в щеку Ярдли, попытавшейся помочь ей подняться на ноги. Джессика обхватила женщину руками, сжимая что есть силы, чтобы та ее не ударила. Она ощутила грудью ее частое сердцебиение, похожее на удары кулака.

– Все хорошо, все хорошо, все хорошо... я не сделаю вам больно.

Женщина залилась слезами, ее тело напряглось, затем обмякло. Она откинула голову назад к стене, не в силах дышать. Ярдли сорвала изоленту с ее рта.

- Пожалуйста... пожалуйста, заберите меня отсюда. Пожалуйста!
- Понимаю, понимаю, – ласково произнесла Джессика, стараясь ее успокоить. Полностью освободив женщину от изолянта, она позвонила «911» и вызвала «Скорую помощь».
- Мы можем подождать на улице. Идем. Полиция и «Скорая помощь» уже в пути. Они вышли на улицу и направились к стоянке, и в этот момент появился Ортис.
- Матерь Божья! – широко раскрыв глаза, пробормотал он.

* * *

Прислонившись к «Кадиллаку» Ортиса, Ярдли смотрела, как санитары изучают состояние женщины. Ортис и Болдуин с присоединившимися к ним полицейскими опрашивали соседей и осматривали дом Дилберта Моргана.

– Я не должен был разрешать тебе заниматься этим, – подойдя к Джессике, сказал Болдуин. – Это была большая глупость.

– Всё в порядке, Кейсон.

– Да, но могло бы сложиться по-другому. А что, если б Моргану вздумалось вернуться назад? Я подверг тебя опасности и сожалею об этом.

– Ты тут ни при чем. Я сама решила зайти в дом. Мне нужно было ждать в машине. Твоей вины тут нет. – Джессика кивнула на женщину: – Кто она такая?

– Рейчел Миллер. Подруга Дилберта. По ее словам, вчера вечером у него съехала крыша. Когда она приехала к нему, он расхаживал по дому, бормоча что-то себе под нос. Затем, заявив, будто Рейчел во всем виновата, связал ее и запихнул в шкаф.

– Я нашла в ванной нейрорептики. Вероятно, у него случился психический срыв. Его не удалось найти?

– Он убежал в пустыню. – Болдуин покачал головой. – Впрочем, полагаю, много времени для этого не потребуется.

– В доме ничего не нашли?

Шумно вздохнув, агент ФБР оглянулся на Рейчел.

– Пока что ничего. Никакого оружия, нет даже кухонных ножей. Вероятно, Морган не держит ничего дома из-за своего состояния. Он оставил дома телефон; я попрошу техников из полиции Сент-Джорджа снять защиту и посмотреть, что в нем. Ну а ты-то что думаешь? Морган как нельзя лучше соответствует твоему психологическому портрету.

– Это не психологический портрет. Лишь самые общие предположения, которые я изложила полиции, потому что ты меня вынудил. Пока что у меня почти нет никаких мыслей относительно того, кого мы ищем. Тебе следует проконсультироваться с Дэниелом.

Доктор Дэниел Сарт, которого Ярдли вскользь упомянула на брифинге в полиции Сент-Джорджа, составил подробный перечень психопатических черт серийных убийц. ФБР часто прибегало к его помощи: доктор Сарт составлял психологические портреты предполагаемых преступников, а затем, когда подозреваемых задерживали, помогал определить тактику ведения допросов. Он помог Ярдли лучше понять, как психопаты и социопаты воспринимают мир, а та, в свою очередь, объяснила ему, как вести себя на перекрестном допросе после особенно плохого выступления на судебном процессе по делу о попытке взорвать штаб-квартиру бывших работодателей.

– Я звонил ему на прошлой неделе – сразу же, как понял, что к чему. – Болдуин кивнул. – Дэниел согласился изучить материалы дела. Он свяжется со мной, как только у него что-нибудь появится. – Смерил Ярдли взглядом. – И все-таки что ты думаешь? Просто предположение.

– Я считаю, что преступник, расправившийся с Олсенами и Динами, очень организован и продумывает все наперед. Это никак не человек, страдающий параноидальными расстройствами и психическими срывами. Со стороны он выглядит совершенно нормальным.

Болдуин перевел взгляд на дом.

– Я подумал то же самое. Но как знать, быть может, нам повезет?

Глава 10

К тому времени как Ярдли вернулась домой, усталость разлилась по мышцам ее ног подобно стремительно распространяющейся болезни. До бургеров у них с Ортисом дело так и не дошло, однако меньше всего ей сейчас хотелось есть.

В лежащей на столе на кухне записке от Уэсли сообщалось, что он уехал на заседание опекунского совета и рассчитывает вернуться около девяти. Дверь в комнату Тэры была закрыта – и, вероятно, заперта на замок. Послушав за дверью, Ярдли услышала, что ее дочь говорит по стационарному телефону с Кевином. Легонько прикоснувшись к двери, она вернулась на кухню. Заставила себя достать из холодильника овощи и, приготовив салат, поела в одиночестве за столом на кухне. Тэра вышла из своей комнаты, но не сказала матери ни слова, достала из холодильника банку содовой.

– Тэра!

– Что?

– По-моему, нам нужно поговорить о Кевине.

Сделав несколько шагов к матери, девочка облокотилась о стол.

– И что с ним?

– После вчерашнего случая с выпивкой я поговорила со школьным охранником. В прошлом году были подозрения, что Кевин пытался совратить свою подругу, которой затем пришлось сменить школу. Подозреваю, тебе он об этом не рассказывал. И знаешь ли ты, что на прошлой неделе его едва не арестовали за то, что он залезал в чужие машины на школьной стоянке?

– Это был не он.

– Охранник уверен, что это был Кевин.

– Человек невиновен до тех пор, пока не доказано обратное. Правильно, мам?

Ярдли помолчала, всматриваясь в холодные голубые глаза дочери.

– Я думаю, он тебе не пара.

– Выбирать не тебе.

– Я не желаю ссориться с тобой. Честное слово. Просто хочу сказать, что Кевин из тех, кто беззастенчиво использует девушек. После чего, получив от них все, что хотел, бросает. Я не хочу, чтобы такое произошло с тобой.

– Ну да, сама ты классно выбираешь себе мужиков... – Тэра закатила глаза.

– Что ты сказала?

– Думаю, ты меня прекрасно услышала. – Дочь скрестила руки на груди. – Наверное, нелегко смириться с тем, что мужчина, с которым ты делила постель, делил ее с мертвецами... Мам, а у тебя никогда не возникало мыслей, чем ты привлекла это чудовище? Ты не думаешь, что где-то в глубине души понимала с самого начала, кто он такой на самом деле?

Джессика стиснула челюсти, в остальном оставаясь совершенно неподвижной. Тэра мастерски владела способностью находить у человека самые уязвимые места и безжалостно вспарывать их бритвой. Ярдли не раз задумывалась, каким человеком вырастет ее дочь.

– Я не жалею о времени, проведенном с Эдди Кэлом, по одной-единственной причине: это дало мне тебя.

Тэра заморгала.

– Я ухожу к себе, – тихо промолвила она.

Джессика проводила взглядом, как ее дочь, умница, но с таким трудным характером, закрыла за собой дверь спальни. Понимает ли Тэра, что в ее руках выбор того, кем она станет? Родители Эдди Кэла, добрые, заботливые, породили нечто нечеловеческое. Вот доказательство

того, что генетика и окружающая обстановка не определяют, кем станет человек, и временами Ярдли оставалось надеяться только на то, что Тэра сделает правильный выбор.

* * *

Уэсли вернулся домой около девяти. Ярдли лежала в кровати, в очках, которые надевала только в его обществе, и читала историю Византийской империи. Забравшись к ней в кровать, Уэсли поцеловал ее.

– Я по тебе соскучился, – сказал он, держа свое лицо в нескольких дюймах от лица Джессики и глядя на ее губы.

– Я тоже по тебе соскучилась. Как прошло заседание?

Закатив глаза, Уэсли уселся на край кровати, скинул ботинки и снял пиджак.

– Одно дело хуже другого. Ты даже представить себе не можешь, что люди делают со своими детьми во время развода... А у тебя как прошел день?

– Допросили с десятков сексуальных насильников и обнаружили в шкафу связанную женщину.

– Ты серьезно? – Уэсли уставился на нее.

– Да.

Встав, он поднял брови.

– Ого! А я-то жалел себя... С тобой все в порядке?

– Все замечательно. Просто я уже несколько лет этим не занималась и успела подзабыть, что такое допрашивать людей в ходе расследования.

– Тебе этого не хватает? По-моему, тебе больше подходит целыми днями сидеть в зале суда.

– Ты прав. Но, должна признать, в этом что-то было. Азарт. Я увидела, как он побежал. Тот тип, который удерживал женщину. И ощутила возбуждение.

Ярдли не собиралась рассказывать Уэсли про то, как одна зашла в дом Дилберта Моргана. За последний год он уже несколько раз говорил ей, что у него есть связи во всех крупных юридических фирмах штата, и если она займется частной практикой, то запросто сможет зарабатывать втрое больше, чем получает прокурор. Ярдли считала, что ему не по душе дела, которыми она занималась. Если серийный насильник признавался невиновным или получал условный срок, существовала вероятность того, что он захочет с ней сквитаться. Рецидивисты во всех своих бедах винят полицию и прокуроров. А те, кто совершает насильственные преступления на сексуальной почве, как правило, не могут взять на себя ответственность за свои действия и иногда даже уверяются в том, что жертва втайне хотела, чтобы на нее напали. Женщина-прокурор, пытающаяся отправить их за решетку, – вот очевидный козел отпущения, на кого можно свалить все свои проблемы.

– Ну, ты только не привыкай к такому возбуждению. Знаешь, это факт: после тридцати пяти человеческий организм начинает деградировать. Тебе тридцать восемь, и ты это чувствуешь. В этом возрасте и я чувствовал то же самое. Ты начинаешь искать то, что помогает тебе ощутить себя молодым, а это крайне редко бывает на пользу.

– Я же не гоняю на байке, Уэсли, – рассмеялась Ярдли. – Просто получила удовольствие, в кои-то веки выбравшись из кабинета.

Сняв сорочку, Уэсли бросил ее в корзину с грязным бельем, стянул брюки и отправился в ванную.

– Я просто хочу сказать, – бросил он, включив душ, – следи за своими чувствами. Если тебе кажется, что ты борешься со злом, сознание может увлечь тебя, заставив делать такие вещи, на которые ты никогда не считала себя способной.

Ярдли слушала убаюкивающие звуки текущей воды, и тут у нее пискнул телефон, извещающая о поступлении текстового сообщения. Оно было от Болдуина. Дилберта Моргана задержали.

Глава 11

Вся обстановка комнаты для допросов управления полиции Сент-Джорджа состояла из стола, нескольких стульев и окна, выходящего на чахлые деревья во дворе здания. В телевизионных шоу, посвященных работе полиции, показывают однонаправленные зеркала и навороченные системы аудио- и видеозаписи, однако в действительности такое встречается редко. Действительность заключается в том, что всякий раз, когда какой-нибудь город сталкивается с дефицитом бюджета, в первую очередь сокращается финансирование полиции, которой предлагается делать больше, обходясь меньшим. Обыватели не понимают, что преступников в настоящее время помогают в основном задерживать новые технологии, а не традиционная слежка. Поэтому когда у патрульного в машине компьютер, устаревший еще пятнадцать лет назад, он не может подключиться к единой базе всех правоохранительных органов страны. А серийные насильники славятся своим умением просачиваться в информационные щели, существующие между различными ведомствами.

Ярдли наблюдала за Дилбертом Морганом в квадратное окошко в двери комнаты допросов. У него было несколько сильных тиков; руки тряслись так, что он с трудом удерживал их на столе. Человек, расправившийся с Олсенами и Динами, должен быть спокойным и собранным. Даже в полицейском участке пульс у него останется размеренным, он будет улыбаться и отвечать на вопросы вежливо, мягко и умело отменяя обвинения. Дилберт Морган же был похож на человека, которого вот-вот хватит сердечный приступ.

Болдуин, стоявший за дверью рядом с Ярдли, разговаривал по телефону с находящимся в Бостоне доктором Сартром. Джессика слушала их разговор.

– Даже не знаю, соответствует ли он тому психологическому портрету, который я сейчас для вас составляю, – говорил Сартр. – Многие хищники гордятся своими достижениями и хвалятся ими при первой возможности, однако этот конкретный преступник предпринял из ряда вон выходящие усилия, чтобы его не нашли. Он не хочет, чтобы его задержали. По крайней мере, пока что. Держать у себя в шкафу связанную женщину и попытаться убежать от вас, в то время как он мог бы просто с вами поговорить, направив ваше внимание в другую сторону, – этот человек вряд ли так поступил бы. Едва ли он тот, кто убил Олсенов и Динов.

То обстоятельство, что Сартр, говоря о жестоких убийствах, использовал слово «достижения», вызвало у Ярдли дрожь отвращения.

– Взгляните на результаты психиатрической экспертизы, которые я вам высылаю, – сказал Болдуин. – Этому человеку в возрасте двадцати одного года был поставлен диагноз «параноидальная шизофрения», после чего он практически все время проводил в различных психиатрических заведениях. Мы переговорили с его врачами, и похоже, пару месяцев назад он перестал с ними встречаться.

– Кейсон, скорее всего, в настоящее время его состояние слишком нестабильное, так что допрос лучше отложить. Пусть он успокоится, примет лекарства, и тогда можно будет его допрашивать. Не исключено, что он раскается в своих действиях и сам захочет о них поговорить.

Подошел Ортис с запечатанной банкой содовой.

– Придя в себя, он, скорее всего, потребует адвокатов, и тогда ему, возможно, удастся ускользнуть от меня. – Болдуин помолчал. – Я могу каким-нибудь образом вывести его из равновесия? Если он сломается, нам, возможно, удастся...

– Вы же понимаете, что я ни за что не пойду на такое, правда?

– Да, знаю... – Болдуин вздохнул. – И все же попробовать стоило. Спасибо, доктор.

Ярдли всмотрелась ему в лицо. Несколько лет назад Болдуин связался со свидетельницей, которой предстояло давать показания в деле против серийного насильника. Защита утвер-

ждала, что Болдуин показал ей фотографии обвиняемого до опознания. Агент ФБР это отрицал, как и свидетельница, однако Джессика гадала, не могло ли это быть правдой. Мотивы Болдуина были чистыми, она в этом не сомневалась, но все-таки существует очень тонкая грань между тем, чтобы любимыми силами добиться осуждения виновного, и тем, чтобы осудить невиновного. И Ярдли, как прокурор, не могла допустить, чтобы эту грань переступали.

Завершив разговор, Болдуин спросил:

– Готов?

– Только после тебя, – сказал Ортис.

Они вошли в комнату. Джессика наблюдала за ними в окошко. Дилберт Морган раскачивался взад и вперед, обхватив руками грудь. Очки у него сползли на самый кончик носа. Он был настолько худ, что казался ожившей марионеткой. Ярдли отметила, что его искусанные губы кровоточат в нескольких местах.

– Мне н-н-нужно в-вернуться д-домой.

Морган говорил, сильно заикаясь, и старательно избегал смотреть следователям в глаза. Открыв банку содовой, Ортис поставил ее перед задержанным.

– Пить хочешь, Дилберт? Ты долго торчал среди барханов.

Схватив банку, Морган сделал большой глоток. Несколько капель стекли по подбородку на рубашку. Рыгнув, он поставил банку на стол, затем снова обхватил себя за грудь и принялся раскачиваться взад и вперед. Болдуин и Ортис уселись напротив него.

– С Рейчел всё хорошо, – сказал Болдуин. – Она просила тебе передать, что с ней всё в порядке. – Он помолчал. – Дилберт, ты помнишь, что произошло?

– Она с-с-собиралась м-меня з-з-заложить.

– Заложить за что?

Морган покачал головой.

– Я х-хочу в-вернуться домой.

– Понимаю, Дилберт, но мы не можем отпустить тебя до тех пор, пока не поймем, что случилось. Ты ведь мог сделать Рейчел очень больно. Конечно, я знаю, что ты не хотел сделать ей больно.

Морган отчаянно затряс головой.

– Дилберт, а ты еще кого-нибудь обижал так же, как обидел Рейчел? – спросил Ортис. – Я, конечно, понимаю, что ты никому не хотел сделать больно, но были ли другие?

– Я х-хочу в-вернуться д-домой.

– Понимаю, но мы не можем...

Ярдли приоткрыла дверь.

– Кейсон, можно тебя на минутку?

Болдуин откинулся на спинку стула.

– Это никак не подождет?

– Нет.

Он оглянулся на Ортиса, тот пожал плечами. Они встали и вышли из комнаты.

– В чем дело? – спросил Болдуин, когда дверь в комнату допросов закрылась.

– Это определенно не он.

Болдуин посмотрел в окошко на Моргана.

– Пока что мы еще не можем это сказать.

– Кейсон, это не он.

– Хорошо, дай мне закончить, и тогда мы выясним это наверняка.

– Замечательно. Но мне не по себе смотреть, как вы запугиваете психически больного человека, не дав ему возможности связаться со своим адвокатом. – Достав телефон, она позвонила на круглосуточную линию федеральных адвокатов. – Говорит Джессика Ярдли из федеральной прокуратуры. Мне нужен адвокат. Некий Дилберт Морган допрашивается в управле-

нии полиции Сент-Джорджа по подозрению в убийстве. – Оглянулась на Болдуина. – Здесь находятся два агента ФБР, Болдуин и Ортис, и мне хотелось бы, чтобы у мистера Моргана, если он захочет с ними говорить, был представитель.

Оператор ответила, что адвокат прибудет через час.

– Он не просил адвоката, – оскалился Болдуин.

Ярдли убрала телефон.

– Адвокат будет здесь через час. Тогда позвонишь мне и скажешь, разрешил ли он своему клиенту общаться с вами.

Не дожидаясь ответа, Джессика развернулась и направилась к выходу.

– Мне она нравится, – донеслись до нее слова Ортиса, обращенные к Болдуину. – С ней не расслабишься.

Глава 12

До Ярдли дошли слухи, что с Дилберта Моргана сняли подозрения в убийствах Динов и Олсенов. В обе эти ночи вместе с ним была его подруга Рейчел, а в ночь убийства Олсенов они около двадцати трех часов даже попали на камеру видеонаблюдения в круглосуточной аптеке. Поскольку Болдуин не потрудился сообщить ей об этом, Джессика предположила, что он сожалеет о том, что обратился к ней.

Времени было уже час дня, и она собиралась отправляться обедать, когда в дверях показался Болдуин.

– Привет, – сказал он.

Ярдли опустила обратно в кресло.

– Привет.

Засунув руки в карманы, он прислонился к двери.

– Как тебе спится?

– Хорошо. А тебе как?

– Терпеть не могу неловкие разговоры ни о чем, – усмехнулся Болдуин.

– Почему неловкие?

– Послушай, я сожалею о том, что случилось. – Он уселся напротив. – Ты была права на все сто процентов. Все, что я вытянул бы из этого типа, все равно выбросили бы на помойку. Даже не знаю, что на меня нашло.

– Когда охотник приближается к добыче, он совершает самые грубые ошибки. По крайней мере, мне так говорили.

– Меня частенько отчитывал за это отец. Он считал, что после смерти мамы ему нужно установить со мной прочную связь. И ты абсолютно права. Охотничий азарт затуманивает мозги. Итак, ты меня простила?

Он сказал «после смерти» – не «после гибели», не «после того, как маму убили». Ярдли задумалась: Болдуину стали известны какие-либо новые обстоятельства и он больше не считает смерть своей матери убийством, или же ему просто легче не произносить вслух это слово?

– Прощать нечего. Каковы твои планы?

– Очень простые: сидеть и ждать, потому что мы ни хрена не можем сделать. Повторный опрос соседей Олсенов ничего не дал, а убийца, вполне возможно, собирается нанести новый удар меньше чем через две недели.

– Ты ни в чем не виноват, Кейсон. По мешкам у тебя под глазами я вижу, что это дело не дает тебе спать. Ты делаешь все возможное. Не вини себя.

Болдуин покачал головой.

– У меня перед глазами постоянно встает другой дом. Ты не была там, когда все еще было свежим. Меня вызвали в ту ночь, когда были убиты Олсены. Никакие фотографии не могут передать это в полной мере. Я уже успел забыть, что человеческое тело вмещает столько крови. Мне вспомнилось, как мы с отцом ходили на охоту. Иногда он подвешивал подстреленного оленя на ветку и перерезал ему горло, чтобы выпустить кровь. Похоже, именно так поступает этот подонок со своими жертвами. – Он потер лицо обеими руками. – Кажется, сейчас я снова воочию увижу все это...

– Извини. Я понимаю, как это тяжело.

– Да ну... Вот почему мы, федеральные агенты, такие богатые, точно? Вот за что нам платят деньги. – Он сглотнул комок в горле. – Джесс, у меня абсолютно ничего нет, а он в самое ближайшее время убьет снова. – Болдуин шумно вздохнул. – Я хочу кое о чем тебя попросить, и это очень непросто.

– О чем?

– Я хочу, чтобы ты встретила с Эдди Кэлом и попросила его помочь нам.

Оглушенная, Ярдли не могла вымолвить ни слова. Она уставилась на Болдуина, но тот твердо выдержал ее взгляд. Единственным свидетельством того, что он произнес эти шокирующие слова, был легкий румянец у него на щеках.

– Кейсон...

– Ты даже представить себе не можешь, как бесконечно трудно мне было обратиться к тебе с такой просьбой. Я очень сожалею. Я надеялся, что у нас будет хоть что-нибудь, хоть какая-нибудь надежда схватить этого типа до того, как у него начнется новый цикл, – но у нас нет абсолютно ничего. Я препарировал жизнь этих людей, переговорил со всеми их родственниками и знакомыми, с соседями, со всеми, с кем смог. Мы даже разыскали тех, кто запускает в этих краях зарегистрированные квадрокоптеры, и просмотрели все, что было отснято в тот день, в надежде найти на видео какую-нибудь подозрительную машину, кружащую вокруг дома. Ничего. Я терпеть не могу просить об одолжении, но сейчас мне это необходимо.

Болдуину уже приходилось заниматься подобными делами – и даже еще более страшными. Самым известным среди них было дело «Мясника с Кольцевой дороги». Почему именно эти убийства так сильно задели его за живое?

– Я не могу, Кейсон. Надеюсь, ты меня понимаешь.

– Я понимаю, о чем прошу. Я прошу тебя вскрыть рану, которая только-только затянулась. – Болдуин поднялся на ноги. – Я не буду умолять тебя, не буду сидеть здесь целый час, пытаюсь тебя убедить. Я только знаю, что если б не попросил об этом, то чувствовал бы себя дерьмово после нового сообщения из полиции о том, что обнаружена еще одна супружеская пара. И, полагаю, если ты откажешься, то тоже будешь чувствовать себя дерьмово.

* * *

Оставшись одна, Джессика какое-то время молча смотрела в окно. На противоположной стороне улицы большое электронное табло рекламировало бурлескное шоу. Едва одетые девицы танцевали, широко улыбаясь. Изображение сменилось шипящим на сковородке бифштексом, еще через несколько секунд – холодным пивом, а затем – переполненным танцевальным клубом. На табло мелькнули слова: «МЫ НИКОМУ НЕ СКАЖЕМ, ЕСЛИ ТЫ НЕ СКАЖЕШЬ». После чего на экране снова появились танцующие девицы.

Ярдли вышла на улицу. Погода сегодня была аномально жаркой, и ей вспомнилась статья в криминалистическом журнале, в которой утверждалось, что в самых разных странах уровень преступности возрастает в жаркие дни.

В кафе по соседству, куда заходили адвокаты и судьи из федерального суда, Джессика села за свободный столик в углу и заказала диетическую содовую и сэндвич с тунцом. Достав телефон, она позвонила Уэсли.

– Привет, моя замечательная! – ответил тот.

– Привет. Как прошли занятия?

– Только что закончили очень интересную дискуссию по поводу дела «Старого вождя». А ты как?

– Я... э... Я размышляю о том, чтобы сделать то, что мне не очень нравится.

– Вот как? И что именно?

Ярдли собралась было рассказать ему все, но в последний момент остановилась. Уэсли обязательно примет ее отговаривать, а хотя она и говорила себе, что решение еще не приняла и только думает над этим, Джессика понимала, что это неправда. Болдуин прав. Когда это наконец случится, когда в новостях покажут лица новой супружеской пары, когда плачущих детей выведут из дома и усадят в полицейскую машину, это полоснет ее по живому. Быть может, даже положит конец ее работе в прокуратуре. В конце концов, разве ее задача не в

том, чтобы защищать таких людей, как Олсены и Дины? Предъявлять обвинения может любой прокурор. Для Ярдли ее работа заключалась в другом. Это было что-то гораздо более глубокое, и она не могла полностью объяснить это даже себе самой.

– Я подумываю о том, чтобы на обед взять чизбургер с жареной картошкой.

Пауза, затем Уэсли громко расхохотался.

– Та еще дилемма... У тебя потрясающая фигура, и тебе не о чем беспокоиться. И вообще, мы живем только раз.

– Если честно, я просто хотела услышать твой голос. Поговорим потом.

– Хорошо. Встретимся дома. Я тебя люблю.

Откинув голову на стену, Джессика какое-то время смотрела на то, как солнечный свет отражается от стекла ослепительными осколками. Затем встала, оплатила заказ, но сказала, что есть не будет.

– Может быть, возьмете с собой? – предложила официантка.

– Нет, спасибо. Мне больше не хочется.

Глава 13

Исправительное заведение «Лоу дезерт плейнс» расположено в пустынной долине в сорока милях от Лас-Вегаса. Окружающая пустыня придает ему постапокалиптический эффект: кажется, оно не из настоящего, а из отдаленного будущего, когда законы больше не действуют и огромные массы людей приходится держать взаперти, чтобы те не разрушили общество. Впрочем, возможно, это начинается уже сейчас... Ярдли не знала.

Предварительно она позвонила Софи Гледхилл, директору заведения, с которой уже работала вместе. Женщины сразу же прониклись друг к другу взаимной симпатией. Джессика согласилась вести дела, которые ей давала Гледхилл, а та, в свою очередь, пообещала не передавать ей дела, исход которых был сомнителен. На протяжении нескольких лет Гледхилл дала Ярдли несколько дел о сексуальном насилии, связанных с убийствами, совершенными в тюрьме. Ярдли вела все эти дела; в двух случаях добилась обвинения судом присяжных, а в остальных обвиняемые заключили сделку со следствием.

Директор тюрьмы встретила ее в приемной. Она была в костюме, на шее у нее висел бейджик департамента исправительных заведений штата Невада. Афроамериканка с ярко-зелеными глазами, Гледхилл, казалось, сошла с обложки журнала по фитнесу. Как-то она призналась Ярдли, что действительно занималась легкой атлетикой и готовилась к Олимпийским играм, однако травма колена в девятнадцать лет положила конец ее спортивной карьере.

– У вас отличные туфли, – заметила Гледхилл, здороваясь с Джессикой.

– Подарок. Уэсли не перестает повторять, что я плохо слежу за собой, и дарит мне подарочные карточки.

– Ну, он прав. Та работа, которой мы занимаемся, сожрет нас с потрохами, если мы не будем выкраивать какое-то время на самих себя. Я медитирую два раза в день по двадцать минут, в любую погоду, и в обед час бегаю по стадиону. Чтобы поддерживать себя в форме, нужно прилагать усилия.

– Я занимаюсь боксом.

– Да, пожалуй, вам это ближе... – Усмехнувшись, Гледхилл оглянулась на охранника. – Вы точно этого хотите? Я не смогу вас отговорить?

– Есть определенные причины моего приезда сюда, которые в настоящий момент еще не могут быть преданы широкой огласке. ФБР предпочитает молчать, опасаясь паники. Но я могу твердо вам сказать: без крайней необходимости я бы не приехала.

– ФБР? Случайно, не Кейсон Болдуин?

– Да, а откуда вам известно?

– Он приезжал недели две назад и встречался с Кэлом.

Ярдли ощутила в груди укол ярости, острый и болезненный.

– Вот как...

– Я предположила, что это просто обыкновенный допрос. Вы же знаете этих оперативников. Суеверные до безумия. Считают, что им нужно брать след, как ищейкам. Я рассудила, Болдуин хочет встретиться с Кэлом, чтобы получить соответствующий настрой на поиски похожего преступника. Разве это не так?

Ярдли покачала головой, стараясь не показывать свою злость.

– Нет, не думаю. – Она кашлянула, стремясь выбросить Болдуина из головы, чтобы сосредоточиться на том, что ей предстояло сделать. С ним она разберется позже.

– Ну, – сказала Гледхилл, – если вы уверены, я вам мешать не будут. Кэл будет в кандалах и наручниках даже за перегородкой, и рядом с вами будет стоять охранник.

– Нет, мне нужно поговорить с ним наедине. При посторонних Кэл разговаривать не станет... и еще мне нужно, чтобы отключили камеры видеонаблюдения.

– Об этом не может быть и речи. Я должна записывать все происходящее.

Ярдли оглянулась на охранника, слушающего весь разговор. Увидев, что она на него смотрит, тот отвернулся.

– Давайте поговорим по пути.

Они прошли сквозь металлические двери и оказались в другом помещении с другими металлическими дверями в конце, запертыми. Здесь камер видеонаблюдения не было, и Джессика сказала:

– Мы имеем дело с подражателем. К настоящему моменту он убил две супружеских пары – по крайней мере, это то, что нам известно. Я здесь потому, что мы с Кейсоном считаем, что Эдди может помочь.

Раздался звонок, показывающий, что дверь в противоположном конце можно открыть, однако Гледхилл этого не сделала.

– Ого!

– Если будет вестись видеонаблюдение, Эдди не будет со мной откровенен.

Директор тюрьмы шумно вздохнула.

– Хорошо, я отключу камеры. Даю слово.

– Спасибо.

Гледхилл провела Ярдли по длинному коридору. Затем они свернули в другой коридор, по обе стороны которого располагались комнаты свиданий. В конце коридора была комната свиданий для осужденных, находящихся под особым наблюдением. Помимо нанесения тяжких телесных повреждений и убийств, Эдди Кэл также совершал изнасилования, а в тюрьме насильников не любят. Кэл находился под особым наблюдением двадцать три часа в сутки, и только один час ему разрешалось гулять по тюремному двору.

Комната свиданий была разделена стеклянной стеной, вмурованной в бетон. Три толстых стекла отделяли посетителя от осужденного. Общаться можно было только через переговорное устройство. Ярдли опустилась на стальной стул. Гледхилл подняла взгляд на объектив камеры видеонаблюдения.

– Томми, выключи камеру.

Красная лампочка на камере погасла.

– Можете разговаривать с ним столько, сколько понадобится.

– Спасибо, Софи.

Кивнув, директор тюрьмы вышла. Стальная дверь за стеклянной перегородкой сдвинулась в сторону, и в комнату вошел бывший муж Ярдли.

Глава 14

В крохотном кабинете Болдуина царил духота. Агент сидел за столом, сняв пиджак и засучив рукава сорочки, ослабив узел галстука. Маленький настольный вентилятор гнал ему в лицо теплый воздух, струящийся по шее пот промочил воротничок. Болдуин проверил температуру: сто десять по Фаренгейту⁷.

На столе перед ним стоял открытый флакон гидрокодона, и Болдуин вытряхнул из него две таблетки. Сосчитал оставшиеся: всего двенадцать. Нужно будет подкупить еще. Таблетки остались у него в аптечке после операции на колене в прошлом году. Болдуин снова начал принимать их три недели назад, убедив себя в том, что это лишь чтобы бороться со спазмами мышц спины. Однако на самом деле это было не так. Ему не давал покоя сильнейший стресс, не проходивший с тех пор, как он охотился на Генри Лукадо, он же «Мясник с Кольцевой дороги».

Большинство своих жертв «Мясник» задушил, однако одной он перерезал горло от уха до уха, точно так же, как была убита Обри Олсен. Из всего дела у Болдуина в памяти сохранился один образ: молодая девушка лежит на обочине с перерезанным горлом, а ее охваченная истерикой мать вырывается из рук родственников, пытаясь подойти к телу дочери. Собралась толпа зевак, и Болдуин, прибыв на место преступления, увидел первым делом море сотовых телефонов, снимающих происходящее. Как будто все эти люди были свидетелями интересного номера во время карнавала.

Болдуин со стыдом поймал себя на том, что не может вспомнить, как звали погибшую девушку.

Как раз в тот момент, когда он убирал флакон с таблетками в ящик стола, в кабинет вошел Оргис.

– Привет. У меня есть кое-что любопытное.

– Что именно?

– Я попросил следователя Марша из полиции Сент-Джорджа передать нам все сообщения о подозрительных людях в том районе. Сегодня утром он кое-что прислал. Первым делом – заявление одного человека, который сказал, что к нему приходили из охранной компании и проверили сигнализацию на дверях и окнах, но когда он позвонил в компанию, ему сообщили, что никого не присылали.

– Так. И где это было?

– На Гарднер-авеню в Сент-Джордже. Я, конечно, не знаю... было бы очень странно, если б преступник решил дважды нанести удар в одном и том же городе. Сначала это был Северный Лас-Вегас, затем Сент-Джордж, так что он должен был бы перебраться куда-нибудь в другое место, правильно? Ему нужно постараться сделать так, чтобы его делами занимались разные ведомства, и надеяться на то, что мы не будем работать вместе.

– Это так, но такие подонки быстро теряют голову. Если он увидел еще одну супружескую пару, которая привлекла его внимание, он может и рискнуть. Что еще?

– Одна леди утверждает, что видела какого-то чувака, который стоял перед ее домом около полуночи и просто смотрел в окна, и еще одно семейство говорит, что кто-то пытался проникнуть в дом через входную дверь, но глава семьи вышел из другой комнаты и спугнул его.

– Все это, конечно, похоже на полную чушь, но у меня до конца дня больше все равно ничего нет. Поехали.

⁷ Примерно 43,5 °С.

* * *

Болдуин остановился перед домом Майлзов. Квартал зажиточный, такой же, как и те, в которых жили Олсены и Дины. Большой дом, несколько окон, выходящих на улицу; второй этаж сплошь стекло с видом на долину.

Болдуин постучал. Дверь открыла темноволосая женщина, стройная и подтянутая.

– Здравствуйте. Джей дома?

– Да. Могу я поинтересоваться, в чем дело?

– Я агент Федерального бюро расследований Кейсон Болдуин. Мы по поводу заявления, которое он неделю назад написал в местное отделение полиции.

– Да-да, подождите. Мы как раз ужинаем.

Женщина скрылась в доме, и тотчас же появился мужчина в шортах, что-то жующий. Он перевел взгляд с Болдуина на Ортиса.

– Привет, ребята!

– Джей Майлз?

– Он самый, – подтвердил мужчина, протягивая руку. Болдуин и Ортис поздоровались с ним, и он продолжал: – Вы его нашли? Того типа, который проверял двери и окна моего дома?

– Нет, – сказал Болдуин. – Мы просто хотим задать несколько вопросов, если вы не возражаете.

Шагнув на крыльцо, Майлз закрыл за собой дверь.

– Валяйте.

– Мы прочитали ваше заявление и хотим узнать, не видели ли вы с тех пор еще что-нибудь подозрительное. Быть может, та же машина снова проезжала мимо...

– Нет, ничего.

– И ваш сосед уверен в том, что видел машину охранной компании?

– Я показал ему логотип компании, и он сказал, что определенно видел именно такую машину. И соседка напротив также ее видела.

– Раньше такое уже случалось? – спросил Ортис.

– Нет. Дежурный в полицейском участке сказал, что иногда случаются ошибки и машина приезжает не по тому адресу, однако мой сосед разговаривал с тем типом. Думаю, он сообразил бы, что приехал не туда.

– Какого соседа вы имеете в виду?

– Того, что живет вон там. Билли Кокса. И еще Коллин Бойл напротив.

Достав визитную карточку, Болдуин протянул ее Майлзу:

– Если снова увидите этого человека или заметите что-нибудь подозрительное, позвоните мне, хорошо?

– Конечно. Э... а можно поинтересоваться, почему этим занимается ФБР?

– Просто дополнительная предосторожность. В городе произошло несколько квартирных краж, люди подверглись нападению. Мы должны изучить все подобные заявления. На вашем месте я попросил бы охранную компанию приехать и посмотреть, всё ли в порядке. И, возможно, хорошая собака вам также не помешает.

Майлз перевел взгляд с одного агента на другого.

– Ребята, вы меня пугаете. Что происходит?

Ортис начал было что-то говорить, но Болдуин его перебил:

– Как я уже сказал, просто дополнительная предосторожность.

Майлз кивнул.

– Понятно. Хорошо. Да, я попрошу, чтобы они приехали и все проверили.

Агенты направились к соседнему дому. Когда они отошли достаточно далеко, Ортис спросил:

– Ты полагаешь, не нужно было ему говорить?

– Что это дало бы? Помимо того, что он подстрелил бы своего подростка-сына, возвращающегося домой поздно вечером?

– Хотелось бы знать.

– Знать что? Какой-то тип в одежде охранной компании приезжает и проверяет сигнализацию. Возможно, это не имеет никакого отношения к делу. Об убийствах все равно скоро станет известно. И я сказал ему, что имели место квартирные кражи и нападения. Ему необязательно знать подробности.

Дверь открыл пожилой мужчина в халате, судя по волосам, только что из душа.

– Билли Кокс? – предъявив значок, спросил Болдуин.

– Да. Наконец-то вы, ребята, занялись этими чертовыми машинами, которые носятся здесь как угорелые? У одного мальчишки спортивный «Камаро», и он...

– Мистер Кокс, мы по поводу сотрудника охранной компании, которого вы видели у дома ваших соседей Джея и Розалин.

Кокс опустил руку, которой указывал на улицу.

– А? Да? Когда это было?

Болдуин и Ортис переглянулись.

– Пару дней назад. Вы можете описать того человека?

Кокс задумался, и Болдуин увидел в его глазах тот остекленевший взгляд, который на закате жизни так часто появлялся в глазах его бабушки, перед тем как она начала рассказывать про финальный матч Мировой серии, на который отец обещал сводить ее на двенадцатилетие.

– Не помню, – наконец сказал Кокс. – Кажется, он был белым.

– Вы запомнили цвет его волос? – спросил Ортис. – Может быть, у него были татуировки или еще какие-либо приметы, по которым мы сможем его опознать?

– Не знаю, – Кокс рассеянно махнул рукой. – Кто помнит такие мелочи?

– Если вы снова увидите этого человека, сделайте мне одолжение, хорошо? – сказал Болдуин. – Сфотографируйте его. И тогда я, обещаю, переговорю с тем подростком, который гоняет по улице.

Кокс смерил его подозрительным взглядом.

– Хорошо.

Агенты пересекли улицу, чтобы поговорить с Коллин Бойл, соседкой, также видевшей сотрудника охранной компании. Однако открывшая дверь девочка-подросток сказала, что ее мать вернется домой только вечером. Болдуин оставил свою визитную карточку.

Агенты вернулись к своей машине.

– Я пришлю к Коксу специалиста по составлению фотороботов, – сказал Ортис.

– Он выжил из ума, Оскар. Старческая деменция. Я это уже видел. Он нам ничем не поможет. Можно позвонить Маршу в местную полицию и попросить выделить людей для дополнительного патрулирования квартала, но это все, что в наших силах. Дежурный был прав: в охранных компаниях постоянно путают с адресами. Мы проверим еще раз – только это нам и остается. – Болдуин потер руками лицо. – К тому же наш тип не настолько глуп, чтобы заявиться сюда среди бела дня. Он предпочитает действовать ночью, когда все спят.

Ортис оглянулся на дом Майлзов.

– Надеюсь, ты прав, дружище.

– Ну, если я не прав, нам с тобой долго будет очень хреново.

Глава 15

Сердце Ярдли пропустило удар. Взглянув на свои руки, она увидела, что они в мурашках, хотя в комнате было тепло.

Внешне Эдди Кэл сильно изменился. Его длинные в прошлом волосы, теперь коротко остриженные, были тронуты сединой. Щетина на лице стала белой, хотя он был лишь на несколько лет старше тридцативосьмилетней Ярдли. Кисти рук, помимо лица и шеи – единственная часть тела, не закрытая белой тюремной робой, – были бледные и мускулистые.

Когда Джессика видела его в последний раз, он ее ослепил. Даже прощаясь с ней. Своим неотразимым обаянием, безотказно действовавшим на нее с момента первой встречи.

Эдди сказал, что пробовал остановиться. Поцеловал ее. После чего подбежал к окну в ванной и выпрыгнул на стоянку. Должно быть, он готовился к этому, потому что поспешил напрямик к канализационному люку, забрался в него и скрылся. А ворвавшиеся в комнату бойцы спецназа швырнули Ярдли на пол, не обращая внимания на ее крики о том, что она беременна.

После чего Эдди Кэл подался в кровавый загул, продолжавшийся три недели на территории двух штатов. Сначала он убил пожилую супружескую пару на заправке. Мужчину бил камнем по голове с такой яростью, что проломил ему череп. Затем угнал их машину, а женщина была обнаружена позже на придорожной обочине, задушенная. Через несколько дней Эдди ворвался в дом и, утопив в ванне проживавшую в нем одинокую женщину двадцати с небольшим лет, забрал наличные деньги и драгоценности. Джессике доконало известие о том, что ее бывший муж, захватив на дороге мини-вэн, расправился с ехавшей в нем семьей. Убив главу семейства, он жестоко избил жену и детей.

Обо всех этих преступлениях Ярдли смогла прочитать лишь через несколько месяцев после задержания Эдди. Все это время она не могла свыкнуться с мыслью, что делилась с этим человеком самым сокровенным. В дополнение к кровавым похождениям перед своим задержанием Эдди был признан виновным в убийстве трех супружеских пар: он проникал ночью к ним в дом, связывал их, подвергал женщин сексуальному насилию, после чего перерезал горло.

По итогам двухмесячного судебного процесса присяжные рекомендовали вынести Эдди Кэлу смертный приговор, и с тех самых пор он находился в камере смертников.

Кэл сел. Глаза у него были цвета темно-голубых лепестков – такие же, как у Тэры. Тонкие алые губы блестели. Включив переговорное устройство, охранник вышел, оставив их одних.

Ярдли сглотнула комок в горле.

– Камера видеонаблюдения отключена. Я знаю, что твоя апелляция еще рассматривается, так что можешь не беспокоиться, наш разговор не записывается.

– А ты еще красивее, чем я помню.

От редкого использования его голос стал хриплым, скрипучим.

Джессике стало плохо, словно почва ушла у нее из-под ног. Закрыв глаза, она мысленно сосчитала до трех в обратном порядке. На «один» открыла глаза и посмотрела на Эдди.

– У тебя здоровый вид, – сказала она.

– Я совершенно здоров. И собираюсь и дальше оставаться здоровым. По крайней мере, какое-то время. Моя последняя апелляция должна быть рассмотрена в течение четырех месяцев. Когда все закончится, меня казнят. Я выбираю повешение. Не хочу, чтобы меня травили, словно какую-нибудь собаку. Я умру как настоящий мужчина.

– Настоящих мужчин не казнят за убийство беззащитных людей.

Злоба, прозвучавшая в голосе Ярдли, была слишком очевидной. Джессика отчаянно попыталась ее скрыть – она здесь, чтобы вытянуть из Кэла всю возможную информацию, и

больше ей можно будет сюда не возвращаться, – но она недооценила, насколько сильной будет реакция. Ей стало физически плохо.

– Ты снова вышла замуж?

– Я здесь не для того, чтобы говорить о себе.

Какое-то время Эдди молча смотрел на нее.

– Знаешь, я так и не переставал тебя любить. Понимаю, когда ты узнала, для тебя все изменилось, – но для меня ничего не менялось.

– А ты вообще способен любить? Ты знаешь, что такое любовь, или для тебя это лишь какая-то любопытная абстракция?

– Ты получила картины, которые я тебе послал? – усмехнулся Кэл.

Он занимался живописью и скульптурой еще до того, как женился на Ярдли, и после его ареста и очень громкого судебного процесса десятки его работ взлетели в цене. К первой картине, которую получила Джессика, была приложена записка продать картины, чтобы обеспечить жизнь им с дочерью.

– Да, получила. Спасибо.

– Но ты их не продала, так? Ты выбросила их в мусор?

– Нет.

– Ты лжешь.

– Не лгу. Я их сожгла.

Эдди улыбнулся.

– Сколько?

– Все до одной. И все то, что было в твоей студии.

– Очень плохо. – Он фыркнул. – Все мои картины забрали лет пять назад, после... одного недопонимания. Теперь эти картины стоили бы целое состояние.

– Мне не нужны твои деньги.

Эдди кивнул, и Ярдли подумала, на сколько еще ее хватит. У нее было такое чувство, будто она кружится в гироскопе и от внезапной остановки у нее встанет сердце.

– Мой отец говорит, ты каждый год на Рождество проводишь пару недель у них на ранчо. Я рад, что ты общаешься с ними.

– Твои родители – хорошие люди.

Небольшая пауза.

– Как она? – тихо спросил Эдди.

Ярдли ответила не сразу. При мысли о том, что он думает о ее дочери, внутри у нее все перевернулось.

– В порядке.

– Она хоть что-нибудь спрашивает обо мне?

– Нет. Спрашивала несколько раз, в десять лет. Ей было любопытно, кто ее отец. Я посчитала, что лгать было бы нечестно, поэтому дала ей почитать кое-что в Интернете. Тэра задала несколько вопросов, после чего больше никогда не заводила разговор о тебе.

Эдди посмотрел в маленькое окошко на половине Джессики.

– Окажешь мне одну любезность? Понимаю, я не имею права просить, но ты не приведешь Тэру сюда? Всего один раз...

– Нет.

Он перевел на нее взгляд своих глаз, в которые она влюбилась в другой жизни, но теперь они вызывали у нее только ненависть.

– Кем бы я ни был, но я по-прежнему ее отец.

– Ты лишился этого права в то самое мгновение, когда решил, что для тебя важнее насилловать и убивать. Ты хоть представляешь себе, через что ей пришлось пройти? В начальной школе прознали, кто она такая, и стали называть ее «Кровавой Тэрой». Даже учителя не хотели

общаться с ней... мне пришлось перевести ее в другую школу. Я делала так еще дважды. Всю свою жизнь Тэра по твоей милости изгой.

– Я сожалею.

– Нет, не сожалеешь. Ты не способен понять, что это такое.

Откинувшись назад, Эдди шумно вздохнул.

– Ты начиталась учебников. Обязательная троица серийного убийцы, так? Мучить животных, мочиться в постель и устраивать поджоги. Я занимался хоть чем-нибудь из этого? Тебе прекрасно известно, что детство у меня было совершенно обыкновенное. Известно, что родители любили меня больше всего на свете. Считается, что я не способен сочувствовать. Как часто ты видела, что я плачу, смотря какой-нибудь фильм? Плачу, глядя на закат? Помнишь, как я впервые увидел оригинальное полотно кисти Джексона Поллока?⁸ Я плакал, как ребенок! Разве это соответствует тому, что называют психопатом? А может быть, человеческое поведение – это широкий спектр, и все мы занимаем лишь какую-то часть этого спектра. Одни из нас такие, другие совсем на них не похожи, и никто не выбирает, куда попадет, потому что все черты даются нам при рождении?

– Ты психопат. Большинство психопатов не признают этого, потому что не могут заглянуть в себя.

– Я испытывал любовь к тебе. Испытывал сострадание. Я без колебаний отдал бы свою жизнь, если б ты этого попросила. Ты не можешь заклеить меня одним-единственным термином, сказав, что, мол, вот я какой. Я не психопат, у меня нет диссоциативного расстройства. Я делал то, что делал, потому что... – Эдди медленно моргнул. – Потому что мне это нравилось, – едва слышно прошептал он.

Сглотнув комок в горле, Ярдли поднялась, собираясь уходить.

– Прощай, Эдди.

– Ты еще даже не попросила меня о помощи, – бросил он ей вдогонку.

Джессика остановилась. Обернулась. Эдди самодовольно ухмылялся. Она опустила на стул.

– Я так понимаю, агент Болдуин уже просил тебя о помощи, и ты отказался, – спокойно произнесла она.

– Очень странно, что у меня завелся подражатель, – Эдди кивнул. – Даже не знаю, как мне быть – оскорбиться или чувствовать себя польщенным.

– Я не думаю, что ты сможешь помочь. Я пришла, только чтобы сделать Болдуину одолжение.

– Крайне слабая позиция, Джессика. Неужели ты думаешь, что я помогу тебе только потому, что ты сказала, что я не смогу этого сделать?

– С какой стати тебе помогать мне? Очевидно, ты думаешь только о себе самом. Больше того, подозреваю, ты в восторге от того, что кто-то занимается тем же самым, чем занимался ты.

– Не тем же самым, если судить по словам Болдуина. Есть кое-какие тонкие отличия даже помимо того, что увидел твой мальчик.

– Какие отличия?

Эдди пожал плечами, и его лицо растянулось в усмешке.

– Вот насчет этого мы с тобой сейчас и поторгнемся.

⁸ Джексон Пол Поллок (1912–1956) – американский художник, идеолог и лидер абстрактного экспрессионизма, оказавший значительное влияние на искусство второй половины XX в.

Глава 16

Дом Болдуина в Лас-Вегасе, как и все его жилища, был временным. Постоянно переезжая с места на место по работе в Бюро, он никогда ничего себе не покупал. Дольше всего на одном месте проработал пять лет, и то было его первое назначение. С тех пор переводился раз в три года.

Ко времени завершения карьеры в ФБР специальным агентам предлагается выбор места службы, и многие стремятся обосноваться на одном месте, завести семью, обеспечить какую-то стабильность. Болдуин об этом даже не думал. Кабинетная работа ему претила, и он был не из тех, кого можно было выставить перед объективами телекамер или отправить давать показания на слушания в Конгресс. Таких Бюро использовало для того, чтобы затыкать дыры там, где возникала подобная необходимость.

Вот почему ему удалось схватить «Мясника с Кольцевой дороги».

«Мясник» убивал учащихся старших классов школы, юношей и девушек, на автостраде в Техасе. Болдуин в ту пору работал в отделении Бюро в Остине. Поимка «Мясника» затруднялась тем, что он убивал жертвы в своем фургоне, а затем выбрасывал трупы в самых разных местах. Поскольку автострада протянулась на четыреста миль, следователям не удавалось обнаружить какие-либо общие обстоятельства в жизни жертв, чтобы понять, по какому принципу их выбирал преступник.

По версии Бюро, «Мясник» был водителем-дальнобойщиком, однако Болдуин думал иначе. Он считал, что убийца просто старается замести за собой следы и должна быть какая-то закономерность в том, как он выбирает места, где выбросить трупы. Болдуин был уверен в том, что люди привыкли думать по шаблону, сознают они это сами или нет. Он установил, что все места, где «Мясник» избавлялся от трупов, находятся приблизительно на одном и том же расстоянии от одного города – как раз Остина.

Далее агент ФБР сосредоточил внимание на лицах, совершавших преступления сексуального характера, в первую очередь похищения. На Генри Лукадо он вышел, поскольку тот попытался похитить четырнадцатилетнюю девочку, ожидавшую на остановке школьного автобуса. Кое-что в ее показаниях привлекло внимание Болдуина. В полиции девочка рассказала, что Лукадо предложил ей прокатиться, заявив, что часто катает детей ее возраста и тем это нравится.

Болдуин мысленно представлял себе человека со злобной ухмылкой и гнилыми зубами, похожего на злого колдуна из сказки. Увидев фотографию Генри Лукадо из Управления регистрации транспортных средств штата Техас, он просто почувствовал, что нашел того, кого искал.

Лукадо сдался без борьбы. Когда он открыл дверь своей квартиры и увидел на пороге Болдуина, сказал только:

– Много же времени вам потребовалось.

Когда фэбээровец защелкнул у него на руках браслеты наручников, первой его мыслью были воспоминания о похоронах матери, впервые за пятнадцать лет.

Рассказывал ли он Ярдли о том, что произошло с его матерью? Болдуин в этом сомневался, но был уверен в том, что ей известна правда. Он гадал, не потому ли у них с Джессикой ничего не получилось, не потому ли он ушел, оставив дверь открытой для Уэсли. Потому что если кто-то и мог понять его стремление ловить бесчеловечных чудовищ, то именно Ярдли, и он не знал, смог ли бы изо дня в день видеть перед собой зеркальное отражение своих собственных чувств.

Усевшись на диван, Болдуин потягивал пиво и смотрел бейсбол, однако с таким же успехом телевизор мог быть выключен, поскольку он не обращал на игру никакого внимания. В

последнее время Болдуин мог думать только о следующем доме. О следующей спальне, залитой кровью, о следующем ребенке, которому придется говорить о том, что его родители убиты.

Болдуин помнил то мгновение, когда узнал о смерти своей матери. Полицейский в участке, где он ждал своего отца, который должен был его забрать, сказал, что это был несчастный случай. Феликс, мамин приятель, видел, как она споткнулась и скатилась по лестнице в подвал, так как была очень пьяна. Выразив свое сочувствие, полицейский оставил мальчика одного в комнате без окон.

Но это был не несчастный случай. Болдуин, хотя ему тогда было всего семь лет, помнил, как Феликс кричал его матери, что убьет ее, если она не заткнется и не будет относиться к нему с уважением. Он не мог сказать, в чем была причина ссоры, но, скорее всего, это было связано с тем, что Феликс нигде не работал и полностью зависел от его матери, которая его кормила и предоставляла кров.

До того как отец его забрал, Болдуин увидел Феликса, выходящего из полицейского участка. Они схлестнулись взглядами, и мальчик понял: этот человек убил его мать.

Отслужив на флоте, Болдуин сразу же поступил в полицию Сан-Франциско и всего через три года стал следователем. Первым делом он достал из архивов дело своей матери и работал над ним по ночам и в выходные. Однако прежде чем успел что-либо сделать, Феликс погиб в автокатастрофе. Пьяный, он не справился с управлением и сорвался в овраг. Болдуин навестил его в морге: кожа, белая как мрамор, губы, похожие на синий мел. Нагнувшись к уху Феликса, он прошептал:

– Гори в аду, подонок!

... Схватив с кофейного столика пузырек гидрокодона, Болдуин вытряхнул две таблетки.

Раздался стук во входную дверь. Спрятав пузырек под подушку, Кейсон открыл дверь. На пороге стояла Ярдли. Она редко раскрывала свои мысли через движения и выражение лица, что мастерски умел читать Болдуин. Ему хотелось узнать, всегда ли Джессика была такой, или же этот защитный механизм выработался только после Эдди Кэла. Его выводило из себя то, что он не мог читать ее так же, как читал большинство людей.

– Привет, – сказал Болдуин.

– Ты лжец, и я тебе больше не верю, – сказала Ярдли. – Я не хочу заниматься этим делом вместе с тобой. Найди себе другого прокурора.

Развернувшись, она направилась прочь.

– Джесс, подожди! Подожди! – Болдуин бегом догнал ее. – Пожалуйста, подожди, хорошо?

Ярдли остановилась.

– Я была у него, Кейсон.

– О...

– О? И это все, что ты хочешь мне сказать? О? – Она покачала головой. – Я не настолько глупа. Когда ты впервые пришел в суд, я искренне подумала, что тебе нужна моя помощь. На самом деле тебе была нужна его помощь, а он тебя уже отшил. И тогда ты подумал: а что, если его бывшей жене удастся подсластить сделку и заставить Кэла раскрыться? Несмотря на то, что ты прекрасно знал, как это будет для меня болезненно, ты использовал меня, чтобы заставить Кэла тебе помочь.

– Джесс, все было совсем не так!

– Ты правда можешь снова лгать мне в лицо?

– Я не лгу. Эдди меня не отшивал. Он согласился помочь, но сказал, что сделает это только в том случае, если ты будешь принимать в этом участие.

Ярдли покачала головой, глядя на проезжающие мимо машины.

– Почему ты просто не сказал правду?

– Я знал, что ты откажешься.

– Значит, наши отношения, те будущие дела, которыми мы могли бы заниматься вместе, – ты сжег все это ради этого дела? Только ради того, чтобы Эдди Кэл тебе помог? Да, кстати, он никому не собирается помогать. Он делает это только потому, что это доставляет ему удовольствие. Эдди собирается играть с тобой до тех пор, пока ему не надоест или пока его не казнят, а ты ни на шаг не приблизишься к тому, чтобы узнать, кто убил этих людей.

– Я должен попробовать.

– Почему? Ты не моргнув глазом занимался гораздо более страшными делами.

Они остановились рядом с машиной Ярдли. На боковом зеркале прилипла капелька грязи, и Болдуин рассеянно вытер ее большим пальцем.

– Я говорил с детьми Динов. До этого дела мне уже приходилось сообщать родителям о гибели их детей, но наоборот – никогда. Ни разу. У них были такие глаза, каких я до того еще не видел. Это известие сломало их, сломало непоправимо. Они только начали жизнь – и уже сломлены каким-то подонком, не умеющим держать себя в руках. – Он помолчал. – Однажды то же самое кто-то сообщил мне.

– Я очень сожалею, Кейсон, что тебе пришлось пройти через все это. Честное слово. Но если я в будущем увижу в деле твою фамилию, то заявлю о конфликте интересов и передам его другому прокурору.

– Понимаю.

– Когда ты понял, что это подражатель?

– Я... э... с самого начала. Уже после Динов. Через несколько дней я встретился с Эдди.

– Я хочу уехать домой. – Ярдли достала из сумочки ключи. – Пожалуйста, отойди.

– Будут новые преступления, Джесс. Эдди может нам помочь. Он никому не говорил о том, что сделал и почему, даже своим адвокатам. Мы понятия не имеем, как он выбирал жертв. Что, если у него будут какие-то мысли? Что, если он знает, как этот тип выбирает свои жертвы? Блин, что, если ему известно, кто этот подражатель? Я не хочу увидеть еще одну супружескую пару в залитой кровью постели, зная, что не сделал все возможное, чтобы это предотвратить. Ты хочешь закончить наши отношения – замечательно. Я тебя понял. Но помоги мне в последний раз. Помоги поймать этого мерзавца. Без тебя я не смогу. Только если он облажается, но кто знает, когда это произойдет? На третьей паре, на восьмой, девятой, на двадцатой? Сколько еще человек должно погибнуть, чтобы ты позвонила мне и сказала: «Я была не права, я тебе помогу»? Джесс, просто помоги мне, помоги сейчас. – Болдуин подошел к ней вплотную. – Я больше не хочу сообщать детям о том, что их родителей нет в живых.

Ярдли медленно выдохнула, и когда она заговорила, он понял, что убедил ее. В этом был плюс того, что они так хорошо понимали друг друга.

– Эдди взамен за помощь хочет какую-то сделку. Он не сказал мне, какую именно. Но я уверена, что нам это не понравится.

Глава 17

В последнее время Тэра отказывалась от семейных ужинов, однако в этот вечер Джессика настояла на том, чтобы они поужинали все втроем. Она чувствовала, что это необходимо ей после свидания с Эдди Кэлом. Ей отчаянно хотелось показать своей дочери и себе самой, что у них нормальная семья, тогда как на самом деле этого не было и в помине.

Когда Ярдли вошла в дом, Уэсли, стоявший на кухне, поднял брови, собираясь что-то сказать, предупредить ее, но тут открылась дверь в комнату Тэры, и из нее вышел Кевин. Щуплый паренек, настолько бледный, что кожа у него имела зеленоватый оттенок, он постоянно носил на голове круглую вязаную шапочку, какая бы ни была погода. От него несло марихуаной, и налитые кровью глаза свидетельствовали о том, что он недавно ее курил.

– Привет, мам, – хихикнула Тэра.

Бешенство смело прочь все рациональные мысли.

– В моем доме? – Ярдли шагнула к Кевину. – Ты заявился в мой дом под кайфом и вошел в спальню моей дочери, в то время как меня не было дома?

– Эй, Джессика, остынь. Я просто...

– Убирайся!

– Мама!

– Убирайся, Кевин! Или я вызову полицию, чтобы тебя выдворили отсюда.

Ухмыльнувшись, парень примирительно махнул Тэре и, протиснувшись мимо Ярдли, вышел из дома.

– Мама, ну как ты можешь так меня позорить?

– Больше ты не будешь с ним встречаться, Тэра. Никогда! Тырываешь с ним всякие отношения.

– Я не обязана тебе подчиняться!

– Я тебя наказала, а ты нарушила мое требование,пустила его в дом, а он под кайфом...

Да, кстати, а как он узнал о том, что можно прийти? У тебя ведь нет телефона.

– Чушь собачья! – Тэра покачала головой.

Шагнув к дочери вплотную, Ярдли посмотрела ей в глаза.

– Больше ты с ним не встречаешься. Это ясно? Иначе следующим моим шагом будет забрать тебя из школы и перевести на домашнее обучение.

– Ну да, как же, – девочка фыркнула. – Когда ты бываешь дома, чтобы мною заниматься? Эти слова больно резанули Джессику.

– Я не собираюсь с тобой ругаться, Тэра. Больше ты с Кевином не встречаешься. Точка.

Тэра попыталась протиснуться мимо нее, но Ярдли оттолкнула ее назад.

К ним подошел Уэсли.

– Девочки, давайте...

– Не суй свой нос, козел, это не твое дело! – бросила девочка.

– Тэра! – воскликнула Ярдли.

Лицо дочери вспыхнуло от ярости. Бессильной ярости. Ярости ребенка, сознающего, что в конечном счете у него еще нет сил противостоять родителям, и потому стремящегося в бесильной злобе уничтожить как можно больше.

– Я переезжаю жить к Кевину! Его отец разрешил!

– Я добьюсь, что его арестуют за похищение!

– Джесс, не надо... – тихо вмешался Уэсли.

– Ты меня не остановишь!

Оттолкнув Уэсли, Тэра распахнула дверь и выбежала на улицу. Пospешив следом за ней, Ярдли увидела, как ее дочь скрылась в ночи.

– Тэра! Вернись домой! Немедленно!

Она закрыла глаза рукой, стараясь унять бешено колотящееся сердце. Сзади к ней подошел Уэсли.

– Выпей на балконе бокал вина и постарайся успокоиться. Я ее верну.

– Нет, пойду я!

– Поверь мне, так будет только хуже. Просто постарайся успокоиться.

Джессика проследила взглядом, как Уэсли обулся и вывел из гаража свою машину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.